

Н.П. ПЕЧНИКОВ

**МОТИВ И ЦЕЛИ, ИХ ЗНАЧЕНИЕ
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ**

• ИЗДАТЕЛЬСТВО ТГТУ •

УДК 343
ББК Х311я73-5
ПЗ1

Рецензенты:

Кандидат юридических наук, подполковник милиции,
начальник кафедры криминалистики и уголовного процесса
Тамбовского филиала Московского университета МВД РФ
М.А. Желудков

Кандидат экономических наук, заместитель директора
Межотраслевого регионального центра повышения квалификации
А.В. Синельников

Печников, Н.П.

ПЗ1 Мотив и цели, их значение в уголовном праве России : курс лекций / Н.П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2009. – 64 с. – 70 экз.

Содержит понятие, значение мотива и цели преступления для правильной квалификации и справедливого назначения наказания.

Предназначен для студентов специальности 030501 "Юриспруденция" всех форм обучения.

УДК 343
ББК Х311Я73-5

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет»
ГОУ СПО Тамбовский бизнес-колледж

Н.П. ПЕЧНИКОВ

**МОТИВ И ЦЕЛИ, ИХ ЗНАЧЕНИЕ
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ**

Курс лекций
для студентов специальности 030501 «Юриспруденция»
всех форм обучения

Тамбов
• Издательство ТГТУ •
2009

Учебное издание

ПЕЧНИКОВ Николай Петрович

**МОТИВ И ЦЕЛИ, ИХ ЗНАЧЕНИЕ
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ**

Курс лекций

Редактор Ю.В. Ш и м а н о в а

Инженер по компьютерному макетированию Т.Ю. З о т о в а

Подписано в печать 12.05.09.

Формат 60 × 84 / 16. 3,72 усл. печ. л. Тираж 70 экз. Заказ № 205

Издательско-полиграфический центр

Тамбовского государственного технического университета

392000, Тамбов, Советская, 106, к. 14

Нормы уголовного права не только регламентируют вопросы о том, какие общественно опасные деяния признаются преступлениями и какие виды наказаний или иные меры уголовно-правового характера могут и должны применяться к лицам, их совершающим, но также определяют задачи и структуру уголовного законодательства России, основания и принципы уголовной ответственности, пределы и принципы действия уголовного закона во времени, пространстве и по кругу лиц, основания и условия, при которых лицо, совершившее преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности или от наказания, особенности уголовной ответственности несовершеннолетних и т.п.

Уголовное право как отрасль российского права отличается от других отраслей отечественного права особыми задачами, своим предметом охраны, а также специфическим предметом и методом правового регулирования. Задачами уголовного права являются охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений.

Сложившаяся в настоящее время социальная напряжённость в нашем обществе, кризисные явления в экономике, политике, в социальной сфере, снижение авторитета органов власти и управления не замедлили сказаться на росте преступности, повышении степени общественной опасности отдельных видов преступлений. Особенно опасный характер приобрели организованная преступность, межнациональные конфликты, терроризм, сопровождающиеся гибелью невинных людей и актами вандализма и насилия.

1. МОТИВ И ЦЕЛЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

1.1. ПОНЯТИЕ МОТИВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Под мотивом преступления принято понимать осознанное побуждение, которым руководствовалось лицо при совершении преступления.

Иначе говоря, это источник действия, его внутренняя движущая сила, обусловленные потребностями и интересами побуждения, которые вызывают у лица решимость совершить преступление. При этом потребности человека следует рассматривать как всё то, что необходимо для нормальной жизнедеятельности человека, но чем он в данное время не обладает. Потребности, присущие человеку, могут быть интеллектуальными, моральными, эстетическими и др.¹

Преступление – это форма выражения и объективизация мотивов преступления; в свою очередь, мотив позволяет понять подлинный характер правомерного или противоправного поведения².

Преступление совершается после того, как побуждение опосредовано осознанием действия и предвидением его последствия. Все умышленные преступления мотивированы – это положение является практически общепризнанным. Сложнее решается вопрос о мотивах неосторожных преступлений. Одни авторы отрицают значение мотивов в неосторожных преступлениях (А.А. Пионтковский, Ш.С. Рашковская и др.), другие применительно к неосторожным преступлениям считают возможным говорить не о мотивах преступления, а о мотиве поведения, приведшего к преступлению³.

Дагель П.С., Кригер Г.А. и Ворошилин Е.В. полагают, что в подавляющем большинстве случаев неосторожные преступления имеют сознательно-волевой характер, а следовательно, являются мотивированными и целенаправленными. Установление мотивов неосторожных преступлений помогает понять причины данных преступлений, содержание личности преступника, его антисоциальную направленность, позволяет индивидуализировать ответственность и наказание. Различные мотивы могут обусловить, например, нарушение правил безопасности, приведшее к тяжким последствиям.

¹ Уланов Д.Н. Психологические исследования. – М., 2006. – С. 394.

² Лукашева Е.А. Мотивы поведения человека в правовой сфере // СГП. – 1972. – № 8. – С. 24.

³ Филановский И.Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. – Л., 1970. – С. 48.

Безмотивными некоторые неосторожные преступления могут быть названы лишь условно – в случаях, когда деяние лишено сознательного волевого контроля. Такая ситуация возможна при совершении преступлений в форме преступной небрежности, когда сознанием и волей лица не контролируется поведение при условии, что лицо должно было (объективный критерий небрежности) и могло (субъективный критерий) контролировать своё поведение.

В юридической литературе высказано мнение, что и при преступной небрежности имеется мотив преступления, который скрывается в установке личности, в её интеллектуально-волевом, эмоциональном, оценочном и действенно-практическом компонентах (У.С. Джекебаев, Т.Г. Рахимов, Р.Н. Судакова).

Мотивы можно классифицировать по тяжести преступлений на антисоциальные, асоциальные, псевдосоциальные, протосоциальные.

К *антисоциальным* мотивам относятся: политические, насильственно-агрессивные, корыстные, корыстно-насильственные.

К *асоциальным* мотивам, которые являются менее опасными, относятся, например, эгоистичные, анархо-индивидуалистические и т.д.

Под *псевдосоциальными* мотивами следует понимать мотивы, обусловленные интересами отдельных социальных групп, противоречащие уголовно-правовым нормам, интересам отдельных личностей и общества в целом. Такие мотивы формируются: на основе ложного товарищества, что может привести к агрессивно-насильственным столкновениям; на основе ложной корпоративности, которая может обусловить совершение экономических преступлений, преступлений против правосудия и т.д.

Формирование *протосоциальных* мотивов преступлений заключается в перерастании социально одобряемых мотивов поведения в социально-негативные мотивы преступления (например, при совершении преступления с превышением пределов необходимой обороны; при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление). К таким мотивам относятся месть, ревность, которые формируются скоротечно в условиях конфликтной ситуации и характеризуются повышенной аффективностью.

Одни мотивы являются типичными для умышленных преступлений, другие – для преступлений неосторожных, а некоторые могут быть свойственны как неосторожным, так и умышленным преступлениям. Так, корысть, месть, ревность, хулиганские побуждения, карьеризм и так далее являются, как правило, мотивами умышленных деяний, но они же могут быть и мотивами неосторожных преступлений. Последним, в свою очередь, свойственны такие мотивы, как хвастовство, молодечество, эгоизм и др.

Наше законодательство всегда уделяло большое внимание оценке мотива преступления. В соответствии со ст. 73 УПК РФ мотив признаётся обстоятельством, подлежащим доказыванию; описательная часть обвинительного заключения и приговора должна содержать указания на мотив преступления (ст. 220 и 307 УПК РФ).

Мотив преступления учитывается при решении вопроса о тяжести преступления (его классификации), квалификации содеянного, назначении вида и размера наказания.

На квалификацию влияют те мотивы, которые предусмотрены в качестве обязательного признака субъективной стороны тех или иных видов преступлений, описанных в Особенной части УК.

При назначении наказания, при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности или освобождении от неё необходимо учитывать мотивы, которые отнесены к обстоятельствам, смягчающим и отягчающим наказание (ст. 61 и 63 УК).

1.2. ЦЕЛЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В психологии под целью принято понимать то будущее, которого желает человек и которого он стремится достичь в результате своей деятельности. Цель объединяет в себе представление о желаемом будущем и активную устремлённость к нему.

Цель преступления – это представление о желаемом результате, к достижению которого стремится виновный, совершая уголовно-противоправное деяние.

Мотив и цель, являясь компонентами вины, имеют много общего, и порой их трудно отличить. Цель носит как бы временный характер и к тому же должна быть реальной, т.е. её достижение при определённых обстоятельствах становится возможным.

Цель преступления может быть обязательным признаком субъективной стороны, а может находиться за пределами состава того или иного вида преступления. Отсутствие в поведении лица цели, если она является обязательным признаком, означает отсутствие субъективной стороны, а следовательно, и оснований для привлечения к уголовной ответственности. Если цель не является признаком субъективной стороны, её установление способствует выявлению степени социальной запущенности личности виновного, что учитывается при индивидуализации ответственности и наказания.

Цели, как и мотивы, должны устанавливаться во всех случаях совершения не только умышленных, но и неосторожных преступлений. При легкомыслии цель не охватывает преступного последствия, так как виновный уверен, что оно не наступит. Целью в некоторых случаях легкомыслия является предотвращение возможного преступного последствия.

При небрежности преступное последствие не осознаётся лицом, и следовательно, оно не может участвовать в целеполагании, но сами деяния не только мотивированы, но и целенаправленны.

Цель отличается от мотива преступления тем, что она определяет направленность действий, это представление о результате, к достижению которого лицо стремится, мотив же – это то, чем руководствовалось лицо, совершая преступление.

В зависимости от содержания цели могут быть самыми разнообразными: наживы, причинения ущерба личности или обществу, сбыта и т.д.

Эмоциональное состояние лица. Наряду с мотивами и целью необходимо также учитывать эмоциональное состояние лица, совершившего преступление.

В психологии и философии выделяют четыре основные формы эмоциональных состояний, которые различаются силой и продолжительностью. Это чувство, аффект, страсть, настроение.

Под чувством принято понимать одну из форм отражения действительности, выражающую субъективное отношение человека к удовлетворению его потребностей, к соответствию или несоответствию чего-либо его представлениям.

Аффект – это очень сильное кратковременное чувство, связанное с двигательной реакцией или с полной неподвижностью (оцепенение – тоже форма двигательной реакции).

Страсть – это сильное и продолжительное чувство.

Настроение – равнодействующая многих чувств. Это состояние отличается длительностью, устойчивостью и служит фоном, на котором протекают все остальные психические процессы.

Далеко не все эмоции имеют уголовно-правовое значение, не все могут быть составным компонентом субъективной стороны преступления. Уголовное право учитывает лишь те из них, которые сопровождают процесс подготовки и осуществления преступного деяния. Какими бы по форме ни были эмоциональные состояния по поводу уже совершённого преступления, они не могут быть компонентами его субъективной стороны.

Чаще всего уголовное право обращается к аффекту.

Аффект в уголовном праве – это сильное душевное волнение, вызванное неправомерным поведением потерпевшего.

При аффекте психика человека выходит из обычного состояния, волнение тормозит сознательную, интеллектуальную деятельность, в известной степени нарушает избирательный момент в мотивации поведения, затрудняет самоконтроль, лишает возможности всесторонне взвесить последствия своих действий.

В состоянии аффекта способность человека отдавать отчёт в своих действиях, а также руководить ими в значительной степени понижена, что является одним из оснований для признания совершённого в таком

состоянии преступления менее тяжким по сравнению с преступлением, совершённым при спокойном состоянии психики. Однако состояние аффекта не исключает самоконтроля, сознательного поведения, способности руководить своими поступками.

Лица, совершившие те или иные действия в состоянии физиологического аффекта, признаются вменяемыми и ответственными за свои поступки, поскольку у них сохраняется в той или иной мере способность самообладания, не наблюдается глубокого помрачения сознания. Ответственность исключается лишь при патологическом аффекте, когда человек теряет способность отдавать отчёт в своих действиях и руководить ими. В состоянии патологического аффекта утрачивается вменяемость.

Аффект в законодательстве рассматривается как основание для снижения меры наказания. Исходя из этого, законодатель, признавая некоторые действия, совершённые в состоянии аффекта, преступными, рассматривает их в то же время как совершённые при привилегирующих, или смягчающих, обстоятельствах. Например, ст. 107 УК предусматривает пониженную ответственность за убийство, совершённое в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего.

Так, например, Л.С. Жарова осуждена за убийство на почве личных неприязненных отношений С.А. Ловыгина и С.А. Савиной.

В кассационной жалобе осуждённая Л.С. Жарова просит переqualифицировать её действия на ст. 107 ч. 1 УК РФ и смягчить наказание. Указывает, что суд необоснованно признал наличие неприязненных отношений между нею и убитыми, не учёл отрицательные характеристики потерпевших и тот факт, что ссора была спровоцирована Ловыгиным. Она наносила удары ножом в целях защиты от действий Ловыгина и Савиной. Судом не учтены в полной мере обстоятельства, смягчающие её наказание, в том числе факт увольнения с работы в день происшествия.

Адвокат Н.В. Царёва в защиту интересов осуждённой Л.С. Жаровой в кассационной жалобе просит изменить приговор – переqualифицировать её действия на ст. 107 ч. 2 УК РФ и смягчить назначенное наказание.

Полагает, что судом не учтено длительное нахождение Жаровой в психотравмирующей ситуации. Не учтены все смягчающие обстоятельства, предусмотренные ст. 61 УК РФ: признание Жаровой своей вины и раскаяние в содеянном, совершение преступления в силу стечения тяжёлых жизненных обстоятельств, противоправность и аморальность поведения потерпевших, систематически злоупотреблявших спиртными напитками в квартире⁴.

Под мотивом преступления понимается осознанное побуждение, которым руководствовалось лицо при совершении преступления. Цель преступления – это представление о желаемом результате, к достижению которого стремится виновный, совершая уголовно-противоправное деяние. Аффект – сильное кратковременное чувство, связанное с двигательной реакцией (или с полной неподвижностью), серьёзно ограничивающее способность лица осознавать характер происходящего и руководить своим поведением.

1.3. МОТИВ И ЦЕЛЬ КАК СУЩНОСТНЫЕ КРИТЕРИИ ПОВЕДЕНИЯ ИНДИВИДА

Поведение человека по существу является определённой формой проявления внутреннего мира. Направление такого проявления отражают как раз мотивы поведения, а цели указывают на конечный результат, что свидетельствует об их первостепенной значимости в структуре уголовной ответственности. Однако и поэтому считать вопросы мотивов и целей преступного поведения разрешёнными не представляется возможным ввиду их явной недооценки в содержании вины, а вернее, их полного отсутствия.

В теории классификация мотивов развивалась, как правило, по психологическому и уголовно-правовому направлениям. Исследователями отмечалось, что психологические разновидности классификации не содержали или содержали мало специфических признаков, свойственных преступному поведению. Такой подход приводит к отделению психологии от уголовного права, что вызывает сомнения, поскольку психология является наукой, изучающей психику человека. В самом деле, поведение и законопослушного гражданина, и преступника формируется и определяется деятельностью центральной нервной системы, обход которой представляется невозможным. К тому же, результаты проведённого ассоциативно-психофизиологического эксперимента подтвердили, что как законопослушный гражданин, так и преступник реагируют на любые внешние воздействия⁵.

Другое дело, что возможно иное реагирование нормального человека и склонного к совершению преступления на одинаковые раздражители. Однако вряд ли можно это объяснить тем, что их центральные нервные системы имеют различные механизмы реагирования. Отличие заключается в том, что каждый индивид имеет сформированное мировоззрение с определёнными ценностными ориентациями и

⁴ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2008 г.

⁵ Криминальная мотивация / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 1986. – С. 37.

вытекающими отсюда определёнными моделями поведения. Такие особенности ведут к созданию индивидуального психического отношения к конкретной жизненной ситуации, в силу чего поведение людей в одних и тех же условиях может быть различным. Можно обратиться к образному примеру с механическим выключателем. У каждого из них различный дизайн, мощность, долговечность и усилие нажатия. Но механизм их работы один и тот же: перемещение клавиши (кнопки) приводит к соединению электрических цепей (внешнее воздействие), в которых начинает протекать электрический ток (изменение поведения).

Конечно же, деятельность центральной нервной системы несравненно сложнее, чем приведённый примитивный пример, но реагирование на поступающий сигнал или же его блокирование происходит не иначе как в процессе психической деятельности индивида и имеет свои причины и условия. Иное, без впадения в мистику или обращения к чудесным неожиданностям, доказать невозможно.

Впрочем, есть ещё один метод обоснования желаемой действительности, а именно при помощи юридической фикции. Содержание последней, а также причины и условия её существования определяются на основании теоретических размышлений, связывающих воедино те или иные фактические обстоятельства.

В качестве примера такой юридической фикции можно привести определение характерного состояния индивида диагнозом «невменяемый». Тем самым утверждается, что, образно говоря, «выключатель» не работает или работает не так, как надо, т.е. поведение человека неуправляемое, непредсказуемое, в связи с чем опасное и т.д. На самом деле диагноз «невменяемый» равносителен утверждению, что у следствия нет причины, а причина не образует следствие, что противоречит и здравому смыслу, и существующим в мире закономерностям. Даже если рассматривать ненормального с органическими изменениями центральной нервной системы, то и в его поведении существует определённый механизм реагирования, особенности которого (опять же закономерные) определяются как раз этими отклонениями психики. Другими словами, юридические фикции «невменяемый», а равно «неисправимый» и так далее, свидетельствуют о том, что развитие науки уже ограничивается в направлении исследования причин и условий явления и механизма его происхождения. Не говоря о том, что использование понятия, в частности, «неисправимый» отбрасывает нас в сферу антропологической школы уголовного права, причём в худшем её понимании, вне связи её ценных теоретических и в особенности практических наработок.

Подходы к раскрытию и управлению поведением человека необходимо искать в его внутреннем мире, и без данных психологии как общей науки о поведении человека нам не обойтись. В истории развития человечества нередко оказывалось, что новое на самом деле является давно забытым старым. Ещё с древних времен на внутренний мир человека обоснованно обращали гораздо больше внимания. Примечательно, что сразу после Октябрьской революции в уголовном законодательстве 1917 – 1922 гг. конкретизация вины неизменно происходила при помощи указания на мотив и цель деяния⁶. Это приводило к повышенной избирательности действия уголовного законодательства. Филановский И.Г. возражал против точки зрения авторов, считающих возможным не включать мотив в общее учение о составе преступления, а обходиться только анализом его в конкретных преступлениях. Особенной частью уголовного законодательства. Филановский И.Г. обоснованно считал, что, пока учение о мотиве не будет разработано в целом, он не может быть правильно изучен и понят в конкретных составах преступлений. К тому же, без мотива невозможно понять подлинный смысл его действий, почему человек стремится к одной, а не другой цели. Именно поэтому В.Д. Спасович уголовное дело, в котором не установлен мотив, образно сравнивал со статуей без головы⁷. Дагель П.С. и Михеев Р.И. тоже считали недопустимым при установлении вины не учитывать в первую очередь мотивы и цели деяния. Практически такой же подход и намечался в методологическом подходе к совершенствованию законодательства в 1980-х гг. прошлого столетия, когда готовился проект действующего уголовного законодательства⁸.

Так, в ч. 1 ст. 27 теоретической модели уголовного закона, подготовленной в Институте государства и права АН СССР, в которой излагалась научная концепция перспективного развития уголовного права, вина

(основополагающий институт) определялась как психическое отношение к совершаемому общественно опасному деянию и его последствию. Конечно, проблема разрешалась не в полной мере, поскольку мотив предлагалось учитывать при определении лишь степени вины, а не её самой. В части 2 названной

⁶ Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Умысел и его формы. – М., 2007. – С. 28.

⁷ Филановский И.Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. – Л., 1970. – С. 52 – 53.

⁸ Дагель П.С., Михеев Р.И. Теоретические основы установления вины. – М., 2008. – С. 151.

статьи определялась степень вины лица, которая характеризовалась, в частности, такими сущностными признаками его поведения, как мотивы, цели и эмоциональные переживания⁹.

Но внезапная поспешность принятия УК РФ в 1996 г. не позволила реализовать даже этот заложенный положительный потенциал данной концепции развития уголовного законодательства. Сразу следовавшие за этим многочисленные изменения и дополнения основополагающего в уголовно-правовой сфере закона указывают на ущербность принятой концепции.

Мотив и цель как признаки, характеризующие с разных сторон психическую активность человека и его отношение к совершаемому деянию, традиционно входят в признаки субъективной стороны состава преступления, но вина здесь является самостоятельным признаком, т.е. вне учёта мотива и цели. Установление действительного содержания признаков субъективной стороны и их последовательный учёт при квалификации преступного поведения являются его необходимыми условиями. Ведь без субъективной стороны в целом, как сказал И.Я. Фойницкий, «наказание становится злом»¹⁰.

И хотя принцип субъективного вменения по действующему законодательству сводится к применению уголовной ответственности к виновному лицу, но вызывает большие сомнения в возможности признать виновным лицо без учёта таких признаков, как мотивы и цель поведения. Поэтому в понятие субъективного вменения указанные признаки также должны входить безусловно. Дополнительным обоснованием может быть то, что вменение называется субъективным, а не виновным. Наконец, даже по действующему законодательству отсутствие субъективного вменения означает объективное, что прямо запрещено п. 2 ст. 5 УК РФ.

Для последовательного выполнения запрета объективного вменения логически вытекает необходимость учёта всех признаков субъективной стороны, характеризующих содержание психического отношения. Однако в теории уголовно-правовое значение мотивов и целей преступления сводится, по существу, к вспомогательной роли в процессе квалификации, а именно для определения вида преступления и меры наказания¹¹, что представляется явно недостаточным. Ведь под мотивами в переводе с различных языков, в частности латинского, немецкого, французского, понимается то, что вызывает активность, деятельность человека. Преступник также относится к данной категории изучаемых субъектов, и у преступного поведения имеются движущие факторы. Несложно понять, что в их отсутствие преступление совершено не будет. Безмотивного (как и бесцельного) преступления не существует, и его просто невозможно представить так, чтобы не было безответных вопросов. Ещё М.П. Чубинским был сделан вывод о том, что «все попытки доказать возможность воления и сознательной деятельности помимо мотивов потерпели полное крушение»¹². Впрочем, как в теории¹³, так и в постановлениях Верховного Суда РФ и правоприменительной практике вывод об отсутствии безмотивных преступлений находит своё подтверждение в разъяснениях высших судебных органов и в отмене тех приговоров суда, в которых не установлены мотивы либо цели преступления.

Непоследовательный подход к оценке мотивов и целей в составе преступлений можно объяснить тем, что в теории сложилось мнение (вернее, такое мнение было сформировано объективным и субъективным развитием науки, права и человечества в целом), что обязательность мотива и цели в составе преступления отмечается «в тех случаях, когда в этих особенностях выражается основное свойство деяния – его общественная опасность»¹⁴. Однако, вопреки распространяемому, в особенности ранее, мнению, именно в мотиве и цели может и проявляется общественная опасность деяния, поскольку эти признаки реализуются в окружающей реальности и способны производить в них вредоносные изменения. Все остальные признаки состава преступления являются так или иначе оценочными, субъективными, виртуальными юридическими фикциями и предположениями, способными, практически, к любому изменению или восприятию, поскольку нет непосредственной связи с реальностью.

Иное объяснение низкой оценки мотивов и целей преступного поведения в структуре уголовной ответственности усматривается в том, что мотивы и цели в теории до сих пор рассматриваются как психологические категории, т.е. вроде как не имеющие прямого отношения к преступному поведению. Но и психология, по признанию П. Жане, довольно мало занимается проблемой развития действия, его нача-

⁹ Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. : В.Н. Кудрявцев, С.Г. Келина ; Академия наук СССР ; Институт государства и права. – М. : Наука, 1987. – С. 80.

¹⁰ Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием. – М. : Добросвет-2000 ; Городец, 2000. – С. 55.

¹¹ Криминальная мотивация / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 1986. – С. 37.

¹² Чубинский М.П. Мотив преступной деятельности и его значение в уголовном праве. – М., 2001. – С. 43.

¹³ Курс советского уголовного права. Общая часть. – М., 1999. – С. 443.

¹⁴ Волков Б.С. Мотив и квалификация преступлений. – Казань : Изд-во Казанского университета, 1968. – С. 9.

ла, протекания и завершения (результата)¹⁵. Кроме того, психология как наука в современном понимании этого слова возникла во второй половине XIX века, т.е. позже формирования классических институтов уголовного права. Однако психология существовала с древних времён, меняя своё содержание по мере развития теоретических и практических исследований. Первоначально, в Древнем Риме, она воспринималась как наука о душе, представляющей собой одно из начал мира, не имеющего материальной составляющей (Анаксимен, Гераклит, Демокрит, Пифагор, Платон и др.). У Аристотеля была иная точка зрения, согласно которой душа воспринималась как форма организации живого тела, проявляемой в реальности через его поведение. Естественно, что такая психология не могла найти места ни в просветительно-гуманистическом, ни в классическом направлениях развития уголовного права, поскольку меры уголовно-правового реагирования предназначались и направлялись, прежде всего, против физического тела. Нематериальная составляющая индивида издавна составляла сферу воздействия религиозных институтов.

Не подходило для воспринятой концепции уголовного права и учение Декарта (XVII век), разрушившее представление о душе как источника деятельности тела, которая ставилась в прямую зависимость от происходящих процессов во внешнем и внутреннем мире человека. Эти процессы через психические состояния определяли поведение индивида. В данной теории тем более не было места мотивам и целям поведения, так как они, согласно концепции, действительно не имели никакого значения, раз не они определяли поведение. В XVIII веке движущими началами человека как существ, наделённых чувствами, считались наслаждение и страдание. С этим был согласен Ч. Беккариа, поэтому в его учении не выделялись в качестве самостоятельных признаков мотивы и цели поведения. Последующее развитие естественных наук, в частности биологии (учение Ч. Дарвина), появление физиологии, психофизиологии, обосновывающих закономерные связи между внешним воздействием и реакцией организма, нашло определённое отражение, по существу, только в антропологической школе уголовного права. И данный факт был сразу подвергнут массивной критике, поскольку вставал вопрос об обоснованности существования основополагающих институтов уголовного права, так как обвинять становилось некого.

Сеченов И.М., опираясь на экспериментальные данные, переработал предшествующие знания и создал учение о рефлексе с принципом сигнальной саморегуляции поведения и обратной связью, осуществляемыми под внутренним контролем индивида. По существу, последнее дополняло обычную рефлекторную концепцию мышцы как орудия познания пространственно-временных отношений концепцией чувствования как регулятора поведения¹⁶. Такая концепция оставляла место для свободы и, следовательно, вменения вины субъекту, но мотивы и цели поведения продолжали оставаться несущественными в данном учении.

Дальнейшие исследования И.П. Павлова привели к созданию учения о высшей нервной деятельности головного мозга, согласно которому поведение человека определялось не механическим воздействием внешнего сигнала, а под воздействием интегрированного результата состояний коры головного мозга в виде раздражения, торможения и их взаимной индукции. В результате деятельность организма приводилась во всё более точное и тонкое уравнивание с окружающей средой¹⁷.

Как практик И.П. Павлов не мог не признать, что человек является системой, подчиняющейся неизбежным и единым для всей природы законам, но, однако, системой, саморегулирующейся и самосовершенствующейся, с присущими ей идеалами, стремлениями и достижениями. Возникновение идеалов у системы стало возможным благодаря образованию вторичной сигнальной системы, где первичные сигналы заменялись вторичными, условными, которые отличались от реальности в результате их обобщения, но продолжали иметь заложенное в них специфическое действие на человека.

Павлов И.П. также не придавал особого значения мотивам или целям поведения. Наблюдая непрерывный процесс развития живого организма в виде филогенеза и онтогенеза, он приходил к выводу, что словами «цель», «намерение» подменяется знание законов, ничего не добавляя к настоящему знанию.

¹⁵ Жане П. Страх действия как существенный элемент меланхолии // Психология эмоций. Тексты / под ред. В. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С. 199.

¹⁶ Сеченов И.М. Психология поведения / под ред. М.Г. Ярошевского. – М. : Изд-во «Институт практической психологии» ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1995. – С. 312.

¹⁷ Павлов И.П. Мозг и психика / под ред. М.Г. Ярошевского. – М. : Изд-во «Институт практической психологии» ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1996. – С. 167.

Исследователь даже ввёл непривычные понятия рефлекса цели, а также рефлекса свободы и рабской покорности, которые до этого воспринимались как совершенно различные по своей сущности явления. Вместе с тем И.П. Павлов придавал цели огромное значение в жизни человека, поскольку жизнь утрачивает для человека смысл, если у него исчезает цель. Проблему рефлексов свободы и рабства учёный предлагал разрешать через их осознание, а затем систематическое подавление. Понятно, что такие сложные мировоззренческие вопросы не могли быть однозначно воспринятыми и решёнными, о чём свидетельствует дальнейшая история развития науки о поведении человека.

Здесь хотелось бы обратить внимание на важный и перспективный подход к разрешению проблемы тех же мотивов и целей поведения. Последнее он тесно связывал с жизненной энергией, достижение которой и определяет мотивацию всего поведения¹⁸. Действительно, в теории (и не только уголовного права) наблюдаются рассуждения о различных ценностях и потребностях человека, влияющих на его поведение, но самая важная из них не то, что недооценивается, но и вовсе упускается из виду. Не говоря о спорных духовных и материальных ценностях и потребностях, можно обратиться к бесспорным, физиологическим потребностям организма. Никто не отрицает, что человек нуждается в еде, питье, дыхании. Но ведь и эти, несомненно, важные для индивида потребности в форме продуктов, воды, воздуха превращаются в совершенно бесполезные предметы, если у человека не будет на это достаточно жизненной энергии. Поэтому последнее представляет для человека действительную высшую ценность. И даже если он это не осознаёт, жизненная важность ценности через подсознательные механизмы влияет на мотивы и цели поведения индивида.

Однако несмотря на очевидность, значимость жизненной энергии для человека (утрата, приобретение) и её влияние на поведение человека до настоящего времени не получили своего отражения в теории уголовного права. Более того, структура уголовного закона превратилась в жёсткий каркас, в форму ограниченного объёма, что не позволяет проникать в его сферу новой информации, современных знаний, их синтезу и в целом препятствует упорядочению отношений в уголовно-правовой сфере. Возросший объём научной информации о человеке, о смысловом значении мотива и цели его поведения и возможность их использования в уголовном праве привели к противоречию¹⁹. Такая ситуация согласно диалектике процессов развития, как отмечает Р.Ф. Абдеев, разрешается путём перехода к системе более высокого порядка, на более высокий эквипотенциальный уровень, характеризующийся новым уровнем упорядоченности на основании современной информации²⁰. Верно было отмечено Е.В. Болдыревым, что положения уголовного права можно считать истинными лишь настолько, насколько они соответствуют той ступени развития человека, общества, к которой они прилагаются²¹.

В психологии также длительное время не могут прийти к согласию о роли и значении мотивов при изучении и объяснении поведения²². Так, детерминацию активности человека пытались с древних времён объяснить при помощи различных теорий мотивации, к которым можно отнести: потребностные (Аристотель, Гераклит, Демокрит, Лукреций, Платон, Сократ и др.); бихевиористские (Д.Б. Уотсон, Р. Вудвортс, К. Лоренц, Е. Толман, Э. Торндайк и др.); когнитивные (Дж. Аткинсон, У. Джемс, Г. Келли, Дж. Роттер и др.); психоаналитические (З. Фрейд, К. Юнг, Э. Фромм, У. Макдауголл и др.); биологизаторские (Ж. Нюттен). В отечественной психологии также имеется большое количество исследований по вопросам мотивов поведения, которые затрагивали, в частности, В.М. Бехтерев²³, Н.Н. Ланге, В.М. Боровский, П.Я. Гальперин²⁴, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев²⁵, С.Л. Рубинштейн, Д.Н. Узнадзе, К.А. Абульханова²⁶, А.В. Запорожец²⁷, Д.И. Дубровский²⁸, П.М. Якобсон, М.Г. Ярошевский и др. Вместе с

¹⁸ Там же. – С. 268.

¹⁹ Петин И.А. Принцип системности, его значение и отражение в уголовном праве России. – М. : Издательская группа «Юрист», 2007.

²⁰ Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. – М. : ВЛАДОС, 1994. – С. 301.

²¹ Болдырев Е.В. Общие предпосылки совершенствования уголовного законодательства // Вопросы борьбы с преступностью. – М. : Юридическая литература, 1972. – Вып. 16. – С. 33.

²² Экспериментальная психология / ред.-сост. : Поль Фресс и Жан Пиаже ; пер. с фр. ; предисл. и общ. ред. А.Н. Леонтьева. – М. : Изд-во «Прогресс», 1975. – Вып. V. – С. 16.

²³ Бехтерев В.М. Объективная психология. – М., 2000. – 416 с.

²⁴ Гальперин П.Я. Психология как объективная наука. Избранные психологические труды / под ред. А.И. Подольского. – М. : Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1988. – 480 с.

²⁵ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М. : Политиздат, 1975. – 304 с.

²⁶ Абульханова К.А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды. – М. : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 1999. – 224 с.

²⁷ Запорожец А.В. Психология действия. – М. : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 2000. – 736 с.

тем можно лишь повторить слова А.Н. Леонтьева, который в своё время обращал внимание на то, что тесно связанные между собой проблемы генезиса психики и её развития до сих пор не могут считаться решёнными²⁹. Тем более данные вопросы являются неразрешённым в криминально-правовой сфере.

Действительно, развитие теории поведения и сравнение с практикой ставили перед учёными новые вопросы и противоречия, которые не получали системного объяснения. В зарубежной теории возникали различные направления развития науки, выдвигающих свои концепции поведения человека, среди которых можно выделить психоанализ (при абсолютизировании некоторых принципов психоанализа – фрейдизм), бихевиоризм, гештальтизм, персонализм и другие либо их модификации. При этом исследованию мотивов и целей посвящалось немало работ специалистов, поскольку это действительно составляет центральную проблему поведения личности.

Психоанализ представляет собой учение о внутреннем мире человека, изучающее, в первую очередь, бессознательные психические процессы, их значение и влияние для индивида. Основателем учения, появившегося в конце XIX века, считается З. Фрейд³⁰. Следует сказать, что практические исследования подтверждают влияние подсознания на поведение человека. И всё больше исследователей в сфере уголовного права соглашаются с тем, что неосознанные мотивы и цели могут формировать поведение преступника. Центральным моментом психоанализа является то, что травматичные события, произошедшие в жизни человека, в особенности в раннем детстве, не исчезают из психики, а вытесняются в её подсознательную часть.

Как правило, канал восприятия, через который прошло негативное событие, блокируется, что затрудняет человеку осознание произошедшего с ним. От того что негативное становится неосознанным, следует не то, что оно перестаёт действовать на человека, а то, что человек не может его осознать и понять первопричины своего поведения, своих потребностей, влечения и т.д. Поскольку психика человека составляет сознание и подсознание в целом, то между неосознанным «Оно» и сознательным «Я» происходит постоянная борьба.

В уголовно-правовом смысле данному этапу соответствует период борьбы мотивов. Данный период не может продолжаться вечно хотя бы по той причине, что расходует при этом свою жизненную энергию, ресурс которой пополняемый, но не безграничный. Рано или поздно период борьбы приводит непременно к изменениям на внутреннем плане (в том числе в виде болезни, расстройства, причинение себе вреда и т.д.) или во внешнем мире (в том числе в форме преступного поведения).

Однако расстановка сил явно не на стороне сознательного «Я» индивида. Любое сильное негативное событие характеризуется тем, что вызывает сильные эмоции различной направленности, чувство страха (возможно, и запредельной радости), в основе которых лежат жизненно важные интересы или потребности человека, причём на природном, изначальном уровне. Основной характеристикой данного уровня является наличие закономерностей любого события, явления на всех уровнях бытия, пространства и времени. Именно этим можно объяснить силу воздействия подсознательных страхов, тем более что они никогда не происходят случайно, т.е. человек имеет определённое к этому отношение. Проблема лишь в том, что он не осознаёт это в силу ограниченности, прерывности своего сознания. Примеры прерывности сознания проявляются не только во сне, но и в состоянии бодрствования, что подтверждается проведёнными социальными исследованиями. Как правило, индивид начинает осознавать себя с 4–5 лет. Гораздо реже такое происходит с 3-х лет, и совсем единичные случаи имеют место, когда человек помнит себя и происходящие вокруг него события с 2-х лет. Однако среди психологов не подвергается сомнению чрезвычайная важность детского периода, в котором до 5 лет или даже до 3-летнего возраста закладываются закономерности окружающего мира на подсознательном уровне и их сознательное понимание.

Есть ещё один характерный пример прерывности сознания, но он относится к малоисследованной в научном плане сфере, поэтому приводится как информация для дальнейших размышлений, а не в каче-

²⁸ Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. – М. : Канон+, 2002. – 368 с.

²⁹ Леонтьев А.Н. Эволюция психики. – М. : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 1999. – 416 с.

³⁰ Фрейд З. Введение в психоанализ. Очерки по психологии сексуальности / пер. с нем. – 2-е изд. – Мн. : ООО «Попурри», 2001. – 480 с.

стве довода. Речь идёт о явлении смерти, которое прямо связано с основополагающими закономерностями этого мира. Это явление с давних времён использовали и продолжают использовать представители различных религиозных направлений и, надо сказать, довольно успешно. Однако действительная возможность перехода нематериальной составляющей человека из одной жизни в другую (что не противоречит законам сохранения энергии, массы, движения и так далее, даже наоборот) в научном плане не стремятся доказывать, как, впрочем, и опровергать (хотя сомнения для последнего имеются). Может быть, по той причине, что данный вопрос очень глубокий, затрагивающий первооснову бытия, и в случае подтверждения это будет равносильно разрушению мира, его фундаментальных основ и реально сложившегося устройства. Но такие страхи как раз необоснованны, поскольку разрушение идёт успешно, и со времён варварства и дикости. Настоящий период отличается только тем, что этот процесс происходит с очень большим ускорением.

Тем не менее именно сложившееся в совокупности мироустройство (со всеми проблемами и противоречиями по причине их неосознания, нежелания осознавать или же из страха осознания) определяет ценностную шкалу, на основании которой человек ставит жизненные цели и обосновывает их мотивами, т.е. определяет стратегию и тактику своей деятельности. Данный механизм одинаково характеризует формирование как преступного, так и не преступного поведения. Различные же формы поведения (преступные или нет) объясняются различным содержанием информации на различных уровнях и этапах воспитания и роста индивида³¹. Поэтому психоанализ по своей сути представлял и представляет необходимое средство для расшифровки внутреннего мира человека и оказания помощи в освобождении от его противоречий и проблем.

Сложно переоценить вклад К. Левина в развитие психологии, которого заслуженно считают методологом научной психологии. Ещё в 20-х годах XX в. он предложил переход от аристотелевского способа мышления к галилеевскому в психологии и биологии, что до сих пор не только не осуществлено, но и по ряду позиций научные исследования всё больше начинают уступать ранее достигнутому. К особенностям предлагаемого исследования относились принцип законосообразности любого психического явления и необходимость выявления и экспериментального подтверждения его закономерностей. Методологически ценным и верным является идея К. Левина о важности конкретного события для каждого индивида в отдельности и его закономерности. В своих исследованиях К. Левин больше внимания уделял не природе объекта, а анализу его взаимосвязей и взаимоотношений с окружающей действительностью, поскольку они раскрывали как раз свойства объекта. С другой стороны, последние характеризуют конкретные взаимодействия между объектами. В совокупности К. Левиным была предложена новая теория поведенческой динамики, теория поля, которая отвечает волновой картине целостного мироустройства и позволяет искать принципиально новые подходы к системному разрешению проблемы вины, вменения, а также уголовно-правовой оценке мотивов и целей поведения индивида.

Персонализм как научное направление возник в конце XIX в. в России и США, а в 30-х годах XX в. получил распространение в других странах. Его представителями были, в частности, Н.А. Бердяев, Б. Боун, П. Ландсберг, Н.О. Лосский, Д. Ройс, У. Хокинг, Л. Шестов и др. Персонализм признавал личность первичной творческой реальностью и, соответственно, высшей духовной ценностью. Мир также признавался проявлением творческой активности личности, но в форме бога. Таким образом, в персонализме уживалось множество субъективных миров, сознаний, с творением мира верховной личностью. Поэтому истоки личности, по мнению представителей, находились не в личности, а в едином начале мира – Боге. Задача ориентации человека в мире определялась смыслом существующего таким образом, чтобы волеизъявление человека соотносилось с высшим началом этого мира, т.е. Богом. В данной концепции проблематика мотивов и целей поведения не выводилась и не могла выводиться в самостоятельный вопрос, который мог бы быть воспринятым в уголовном праве. Разрешение проблемы поведения человека, по существу, увязывалось с тайной творения мира, поэтому мотивы и цели индивида сами по себе не имели глубокого жизненного смысла.

Однако, как и каждое серьёзное учение, персонализм приоткрывает завесу над истиной и препятствиями в её познании. Так, Н.А. Бердяев говорил о том, что истина открывается немногим лицам потому, что предполагает потрясение сознания, расплавление и сгорание застывшего сознания вместе с окаменелым миром. Однако большинство слишком зависит от ограниченности своего сознания, от соци-

³¹ Петин И.А. Механизм преступного насилия. – СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр «Пресс», 2004. – 343 с.

альной подражательности, от полезности в борьбе за жизнь. Совершенно верно было отмечено Н.А. Бердяевым, что философия всеобщего или здравого смысла открывает не истину, а её социализацию в смысле необходимого и полезного для жизни общества (т.е. не мира в целом, что уже означает ограниченность истины). Самые большие трудности учёный обоснованно связывал с языком, что в первую очередь проявлялось в философии, где терминология имеет первостепенное значение, поскольку на ней построены все умственные рассуждения и вытекающие выводы. Бердяев Н.А. различал внутреннее слово (внутренний логос, интуицию, близкую к глубине существующего, к первореальности) и внешнее слово (внешний логос), обращённое к материальному миру и приспособленное к его разделённости, разрушаемости. Человеческий язык является главным способом сообщения людей, но в силу его социализованности на нём лежит печать условности, вражды и ограниченности большинства социальных образований³².

Данная мысль имеет прямое отношение к рассматриваемым нами мотивам и целям, так как они являются такими же понятиями, юридическими фикциями, ограничивающие, а вернее, разрушающие системность поведения и бытия в целом. Действительно, при помощи однозначных понятий можно прийти к пониманию их значения, но различное содержание (или изменение содержания, или иное понимание) приводит к непониманию и отчуждению.

Любое преступление начинается с конфликта интересов, а конфликт, в свою очередь, предполагает непонимание сторон, что ставит перед нами проблемы как познания, так и его понимания. В целом познанию отводится роль сообщения индивидуального мира с другим. Если канал сообщения искажённый, то и информация будет соответствующей. Но любое разделение внутреннего и внешнего мира будет одновременно и разрушающим. Бердяев Н.А. объективированный (материальный) мир называл, с одной стороны, миром распада и отчуждения, а с другой – миром принудительно объединённым, скованным и детерминированным, социализованным. Более того, объективация (материализация) приводит к деперсонализации, а свойством нематериального мира является персонализм (индивидуализм). Понятие рационализирует предмет познания, но не познает индивидуальное и тайну существования.

Проблема сознания, а с ней и проблема мотивов и целей поведения усматривается в том же отделении человека от мира, разделении его на личность и субъект. Мало того, психика субъекта делится на сознание и подсознание, и при этом, апеллируя к сознанию, даже не делаются серьёзные попытки обосновать возможность оценки поведения, его мотивов и целей, вне связи с подсознанием.

Нельзя не согласиться с Н.А. Бердяевым в том, что разум искажён и теряет способность к настоящей, существенной диалектике вследствие утраты целостности, духовности и раздвоения на субъект и объект. Причина этого кроется в условиях принудительной социализации, в ходе которой условная ложь (искажения в познании) впитывается в сознание и создаёт его структуру, соответствующую объективному миру. Вследствие достаточной прочности структуры сознания, глубоко приспособленного к внешним условиям этого мира, мы длительное время не можем сделать окончательного усилия сознания, духа, чтобы проснуться от обманчивого, призрачного и неподлинного в эмпирическом мире явлений³³.

Таким образом, осознание значения мотивов и целей преступного поведения в теории не достигло того, чтобы законодатель отнёс их непосредственно к содержанию вины. Одной из причин такого подхода к значению мотивов и целей является то, что в настоящее время преобладает сложившееся в тернистой истории развития института вины представление, что вина, мотив и цель характеризуют различные психологические явления человеческого поведения с самостоятельным содержанием, ни одно из которых не включает в себя другое в качестве составной части. Юридическое значение их тоже считается различным.

Большинство исследователей по традиции придерживается мнения, что обязательным признаком любого преступления является только вина, а мотив и цель относятся к факультативным признакам субъективной стороны преступного деяния, указывающим на степень общественной опасности деяния, виновного, квалификацию деяния и назначение наказания (Н.С. Таганцев, Б.С. Волков, Б.А. Куринов, В.Г. Макашвили, А.И. Рарог, А.С. Санталов, И.Г. Филановский, Ф.Г. Гилязов и др.). При этом соотно-

³² Бердяев Н.А. Творчество и объективация / сост. : А.Г. Шиманский, Ю.О. Шиманская. – Мн. : Экономпресс, 2000. – С. 278–279.

³³ Бердяев Н.А. Творчество и объективация / сост. : А.Г. Шиманский, Ю.О. Шиманская. – Мн. : Экономпресс, 2000. – С. 280 – 286.

шение функций, содержания и соотношение признаков мотива, цели с виной может различаться, тем более что этому способствует встречающаяся многозначность такого понятия в психологии.

Согласно иной точке зрения все признаки субъективной стороны составляют лишь часть вины, представляющей для них более широким основанием уголовной ответственности, для которой субъективная сторона является лишь одним из её элементов (Ю.А. Демидов, Г.А. Злобин, Б.С. Утевский). И лишь некоторые учёные субъективную сторону преступления отождествляют с виной, считая необходимым включить в это понятие как мотив, так и цель (П.С. Дагель, Д.П. Котов, Г.А. Кригер, В.В. Лунев).

В теории различают понятия мотива и мотивации. Последнее имеет два значения, одно из которых означает процесс формирования и возникновения мотива поведения. Вторым понятием обозначается совокупность побуждений (потребности, интересы, влечения, привычки и т.д.), которые могут выступать в качестве мотивов преступного поведения³⁴.

Среди мотивов выделяется доминирующий, по которому, как правило, и определяется общая направленность личности, а также её ценностные ориентации и определяющая деятельность. Процесс мотивации представляют из нескольких этапов, в ходе которых индивидом анализируется окружающая реальность, даётся оценка известным для него обстоятельствам дела, после чего у человека наступает важный этап, имеющий значение для нашего рассмотрения, а именно борьба мотивов, который заканчивается принятием решения.

Мотивам в теории давались различные классификации как в дореволюционной, советской, современной, так и в зарубежной литературе. Этим вопросам уделяли внимание, в частности, А. Вайнгарт, Б.С. Волков, П.С. Дагель, И.Н. Даньшин, Н.А. Дремова, А.А. Герцензон, В.Н. Кудрявцев, Ф. Лист, А.В. Лихачев, Б.Я. Петелин, Р. Рейсс, Э. Ферри, И.Г. Филановский, Б.В. Харазишвили, М.П. Чубинский и др. Однако виды мотивов и их содержание не являются предметом нашего рассмотрения, поскольку нас интересует прежде всего факт отсутствия мотива в качестве обязательного признака в структуре вины и обоснованность такого положения.

Двойственная позиция по отношению к мотивам и целям поведения, проявляющаяся, с одной стороны, в признании их ведущей роли в структуре поведения индивида и, с другой стороны – в отсутствии их в содержании вины, приводит к иным противоречиям в рассуждениях. Так, И.М. Тяжкова, отмечая, что мотив и цель (наравне с виной и эмоциями) характеризуют субъективную сторону, представляющую собой в целом психическое отношение к совершаемому общественно опасному деянию, вместе с тем полагала, что отнесение перечисленных признаков к содержанию вины «без достаточных к тому оснований расширяет рамки законодательного определения вины и её форм»³⁵.

Однако поскольку законодательного определения вины в настоящее время нет, постольку нет возможности расширять или сужать данное понятие. Определение же вины, существующее в теории, как было указано выше, является спорным и, кроме того, не раскрывает самый важный момент для справедливой квалификации и предупреждения преступлений, а именно почему и для чего совершено преступное посягательство. При таких условиях невозможно говорить об установлении какой-либо истины по делу, которая, как отмечал Д. Бруно, находится в природе и в её познании³⁶.

Как верно отметил В.И. Симонов, раскрывая понятие физического насилия, что это деятельность виновного, а не результат, являющийся следствием этого действия. Вследствие этого исследователь большое значение придавал внутренней, психической стороне преступного поведения, определяя опасность любого физического насилия не только в объективных, но и в неотделимых от них субъективных признаках. Подобный подход представляется правильным по отношению к любому преступному посягательству. И без знания реальных мотивов и целей преступного поведения, возникающих из причин и условий, предшествующих преступному посягательству, цель восстановления нарушенных прав искажается и подменяется неким суррогатом истины, не говоря о том, что исправление субъекта не достигает требуемой степени.

³⁴ Механизм преступного поведения / под ред. : В.Н. Кудрявцева, Л.Г. Ионина [и др.]. – М. : Наука, 1981. – С. 39.

³⁵ Курс уголовного права. Общая часть. Том 1. Учение о преступлении : учебник для вузов / под ред. : Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М. : Изд-во «Зерцало», 1999 – С. 291.

³⁶ Бруно Д. Изгнание торжествующего зверя. – Самара : Изд-во «Агни», 1997. – С. 102.

Алексеев А.А. обращал внимание на то, что только справедливость при разрешении жизненных ситуаций несёт человеку и обществу ощущение глубинной ценности права³⁷. Но и многие правонарушители, как отмечает В.В. Лунеев, совершая общественно опасное посягательство, имеют убеждение в том, что они борются за справедливость. Она может быть разной: групповой, партийной, национальной, государственной и т.д.³⁸ Главное в том, что в основе такого убеждения лежит определённая система мировоззрения и важных для субъекта ценностей. Поэтому характер и содержание поведения личности зависит от мировоззрений, которые, по словам Г. Риккерта, предлагаются ему в готовом виде, хотя и могут меняться в процессе жизни³⁹.

Пенкин И.А. в своей работе указывает: «Несмотря на смену не одного поколения учёных и известные исторические события, действующее в настоящее время в теории понятие мотива и цели, их отношение к вине субъекта преступного посягательства до сих пор не отвечает их действительной роли в поведении лица и его вины в содеянном. Для восстановления реальной картины представляется целесообразным отойти от влияния имевших ранее место идеологических воззрений на признаки вины, рассмотреть сущностное содержание мотива и цели преступного поведения, после чего определиться в их отношении к понятию вины».

Даль В.И. значение мотива в переводе с французского определял как побудительную причину к движению, определённой деятельности. Аналоги мотива в немецком языке (от слова «*motive*») или латинском («*moveo*») означают русское слово «двигаю», т.е. то, что побуждает деятельность человека, ради чего она совершается⁴⁰. К этому относятся различные явления и состояния, вызывающие различную активность субъекта, к которым относятся как потребности индивида, так и его инстинкты, влечения, эмоции, установки и идеалы. Корень слова «побудительная» составляет «будить», что означает подниматься ото сна, «побуждаться к деятельности, возбуждать, не давать засыпать или коснеть духом»⁴¹. Причём пробуждаться ото сна и заниматься деятельностью, т.е. двигаться, следует понимать не только в буквальном смысле. Человек и в состоянии бодрствования может действовать в неосознанном состоянии. Об этом заявлялось и ранее, и современные психологические, криминологические исследования свидетельствуют в пользу сделанного вывода. А данное положение, по сути, опровергает устоявшуюся в практике презумпцию осознанности поведения человека в случае отсутствия у него неменяемого состояния.

Важным для уяснения сущности мотива является значение слова «двигать». Оно характеризует не только внешние формы проявления движения, изменения, но и указывает на наличие источника совершаемого движения, действия, а именно означает силу, которая либо приводит объект в движение, либо способна шевелить его, колебать, возмущать.

Очевидным представляется, что побудительная причина к движению, деятельности должна учитываться при квалификации деяния, именуемого преступным, в обязательном порядке, если, конечно, ставить перед собой выполнение целей наказания и задач уголовного законодательства. Иначе что можно сказать о суждении или его авторе, когда, например, применительно к автомобилю утверждается, что он может двигаться сам по себе, без какого-либо двигателя и потому является источником повышенной опасности. Последнее свойство автомобиля является лишь следствием действия как раз двигателя и многоуровневого управления автомобилем в целом. Точно такова же и неотъемлемая роль мотива в поведении человека. И потому оценивать характер и степень опасности деяния или совершившей его личности без учёта мотива в обязательном порядке равнозначно подвергать разрушению автомобиль за то, что он наехал на другой транспорт или пешехода, а не воздействовать на водителя, управляющего двигателем и рулевым управлением источника повышенной опасности.

Несмотря на то, что мотив считается, как правильно отмечал И.Н. Даньшин, одним из первоначальных звеньев любого преступного поведения, до настоящего времени в законодательстве не существует обязательности учёта мотива при определении виновности субъекта, а сущность рассматриваемого признака скрыта за иноязычным словом, благодаря чему становится возможным почти незаметно сместить акцент при рассмотрении явления побуждения и его роли в поведении человека, в назначении наказания и

³⁷ Алексеев А.А. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. – М. : Статут, 1999. – С. 631.

³⁸ Лунеев В.В. Субъективное вменение. – СПб., 1998. – С. 17.

³⁹ Риккерт Г. Философия жизни. – Мн. : Харвест ; М. : АСТ, 2000. – С. 189.

⁴⁰ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – М. : Русский язык, 1998. – Т. 2. И – О. – С. 352.

⁴¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – М. : Русский язык, 1998. – Т. 1. А – З. – С. 136.

способах и формах уголовно-правового воздействия на субъект. А это уже способно привести к различным деформациям в развитии человека, общества, государства и разрушению их целостности⁴².

Следует отметить, что даже в прежние времена (когда психология как наука была не так развита) мотивам уделялось больше внимания, чем в настоящее время, несмотря на то, что психология как наука в то время была не так развита, как сейчас. Так, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года характер умышленных преступлений определялся в зависимости от намерения субъекта. Фойницкий И.Я. обоснованно полагал, что существенными элементами волевого акта являются: «1) мотив, побуждения и 2) его оценка»⁴³. Тот факт, что обязанность, возложенная на суды руководящими началами по уголовному праву РСФСР 1919 года по выяснению и учёту при назначении наказания мотивов деяния, обстоятельно характеризующих личность преступника, была впоследствии законодателем утрачена, оценивается Н.Ф. Кузнецовой негативно⁴⁴.

Цель поведения как один из элементов поведения наравне с мотивом играет немаловажную роль в данной структуре. Если же поведение субъекта рассматривать с точки зрения конечного результата, что без сомнений важно для квалификации деяния, то такой признак в составе преступления должен быть определяющим. Но он до настоящего времени при определении вины продолжает оставаться факультативным. Вместе с тем цель является действительно системным элементом в структуре поведения, который характеризует предвидение в мышлении результата любой деятельности (в том числе и преступной) и пути его реализации с помощью определённых средств.

Однако в уголовном законодательстве сложилась парадоксальная ситуация в сфере вины и отражения в ней цели. Несмотря на то, что одним из интеллектуальных признаков вины является предвидение общественно опасных последствий своей деятельности, а также желание или допущение их как признаки волевого признака вины, тем не менее сама цель не включается в признаки вины. Тем самым уголовное законодательство исключает из своей сферы конечные результаты деятельности человека, оно направлено при криминализации (или декриминализации) и квалификации преступных деяний на внешние проявления поведения субъекта, нередко являющиеся лишь промежуточными этапами поведения. Подобное упрощение уголовного судопроизводства для достижения целей доказывания сказывается в конечном счёте на его эффективности, поскольку в этом случае средства уголовно-правового воздействия будут недостаточными, а их влияние будет неуправляемым, непредсказуемым.

Поэтому не представляется целесообразным то положение законодательства, при котором цель поведения субъекта при квалификации совершаемого деяния признаётся необязательной. И это несмотря на то, что одним из признаков вины является предвидение предстоящих изменений как структурный элемент цели. Для логического завершения требуется признать цель обязательным признаком вины субъекта. Тем более что общепризнанным является то, что цель выступает как способ интеграции различных действий человека в определённую последовательность или систему. Тем самым в уголовном законодательстве будет реализован и в данной сфере принцип системности, что всегда является гарантией учёта закономерностей на уровне личности, общества, государства и т.д.

Как было указано ранее, в ст. 27 Модельного кодекса во время подготовки нового УК была попытка включить мотивы, цели, а также эмоциональное состояние в качестве критериев для определения степени вины лица⁴⁵. Но даже это положение не было воспринято законодателем при принятии УК РФ 1996 года, хотя в уголовно-правовой литературе отмечалась целесообразность легализации такого показателя, как степень вины⁴⁶.

Как заметил Г.Ф. Хохряков, в указанных признаках заложен смысл поступка для того, кто его совершил. Якушин В.А. обоснованно не отделял вину от личностного смысла⁴⁷. Подведение же индивидуального поведения под общее правило, т.е. без учёта мотивов, целей и эмоций, искажает действительность⁴⁸.

⁴² Данышин И.Н. О значении мотива преступления при изучении и предупреждении преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. Выпуск 10. – М. : Юридическая литература, 1969. – С. 65.

⁴³ Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием. – М. : Добросвет, 2000 ; Городец, 2000. – С. 44.

⁴⁴ Курс уголовного права. Общая часть. Том 1. Учение о преступлении : учебник для вузов / под ред. : Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М. : Изд-во «Зерцало», 1999. – С. 30.

⁴⁵ Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. : В.Н. Кудрявцев, С.Г. Келина ; Академия наук СССР ; Институт государства и права. – М. : Наука, 1987. – С. 80.

⁴⁶ Курс уголовного права. Общая часть. Том 1. Учение о преступлении : учебник для вузов / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М. : Изд-во «Зерцало», 1999. – С. 305.

⁴⁷ Якушин В.А. Ошибка и её влияние на вину и ответственность по советскому уголовному праву. – М., 2002. – С. 7.

⁴⁸ Хохряков Г.Ф. Криминология : учебник / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М. : Юрист, 2000. – С. 433.

Бахтин М.М. ценности человека, определяющие его поведение, неразрывно связывал с эмоционально-волевым отношением к ним⁴⁹.

Не случайно основополагающим принципом уголовного права признаётся принцип субъективного вменения к уголовной ответственности, суть которого заключается в личном отношении к содеянному со стороны привлекаемого к ответственности лица. Подобное отношение, относящееся к категории особенного, по обоснованному мнению А.В. Наумова и А.С. Новиченко, играет также и методическую роль в процессе квалификации преступлений⁵⁰.

Учитывая сказанное, вряд ли можно утверждать, что законодательное определение умысла, не учитывающее цели и мотивы деятельности, верно отражает личное отношение субъекта к содеянному, а следовательно, вину, что не соответствует принципу субъективного вменения. В процессуальном и криминологическом плане значение цели как конечного результата, к которому стремится лицо, и мотивов как осознанных побуждений к достижению поставленной цели и наполненных личностным смыслом учитываются, вернее, должны учитываться⁵¹.

Но можно ли ожидать должного поведения от правоприменителя в условиях роста преступности и увеличения нагрузки на сотрудника, а также соответствующей отчётности при той ситуации в уголовном праве, когда при определении вины мотивы и цели поведения до сих пор не признаются как обязательные признаки. Поэтому в теории уже давно ставится вопрос о необходимости корректировки традиционных положений юридической конструкции вины. Во всяком случае, вполне очевидно, что без указания на цель и мотив умысел, в частности, утрачивает свою предметность⁵².

Представляется, что подобный подход не сможет разрешить проблему вины в уголовном праве. Мотивам и целям необходимо уделять первостепенное значение, поскольку их роль в поведении индивида определяющая и направляющая.

В рамках действующих юридических фикций вины признаки мотива и цели уместно рассматривать применительно к умышленным преступлениям, так как юридическая конструкция неосторожной вины, по сути, не оставляет для них места, вынося их за рамки инкриминируемого деяния. Не затрагивая здесь вопрос об обоснованности существования последней формы вины, необходимо сказать, что мотив и цель здесь могут и должны играть роль обязательных признаков вины по следующим основаниям. Во-первых, рассмотрение мотива и цели неосторожного деяния в совокупности со всеми фактическими обстоятельствами дела будет способствовать подтверждению и правильному отражению действующих признаков легкомыслия и небрежности.

В отсутствие же мотива и цели поведения как обязательных признаков неосторожной вины характер предвидения и волевой момент вины, по сути, отдаются на усмотрение правоприменителю, что чревато различными злоупотреблениями. Во-вторых, признание мотива и цели обязательными признаками неосторожной вины отвечает требованию системности уголовного законодательства. Речь идёт о нормах, регулирующих обстоятельства, исключающие преступность деяния, закреплённых в главе 8 УК РФ. В каждой из них так или иначе отражаются мотивы и цели деяния, при наличии которых исключается его преступность. Поэтому отражение рассматриваемых признаков в качестве обязательных в неосторожной форме вины (до момента её полной декриминализации) будет дополнительной гарантией законной и обоснованной квалификации деяния.

Кроме того, мотивы и цели любого преступного поведения (умышленного или неосторожного) выводят правоприменителя на причины и условия, способствующие совершению преступления. Соответственно, только устранение причин и условий, обязательным предшествующим моментом чего может быть их первоначальное выявление, способно обеспечить действительное исправление осуждённого, а также предупреждение преступлений или восстановление справедливости в целом. Однако в теории порой вместо ориентира на устранение причин и условий, способствующих совершению преступления, делают иной акцент – за счёт воздействия на осуждённого. Так, применение наказания за неосторожное преступление должно создавать у лица «мотивы к правильному поведению в будущем».

⁴⁹ Пешков И.В., Бахтин М.М. От философии поступка к риторике поступка. – М.: Изд-во «Лабиринт», 1996. – С. 115.

⁵⁰ Наумов А.В., Новиченко А.С. Законы логики при квалификации преступления. – М.: Юридическая литература, 1978. – С. 61.

⁵¹ Еникеев М.И. Основы общей и юридической психологии. – М., 2003. – С. 71.

⁵² Ситковская О.Д. Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – М.: Изд-во «Зерцало», 1999. – С.

Наказание, конечно, будет определённым образом влиять на поведение человека, но характер влияния далеко не бесспорный. Реальное влияние оно будет иметь в ситуации его неотвратимости. При отсутствии таковой и сохранении причин и условий, способствующих совершению преступления, возможность наказания или тем более отбытое наказание способны формировать мотивы к не правильному поведению, а к сокрытию следов преступления. Последнее приводит к совершению более квалифицированных составов преступлений за счёт применения силы, оружия и иных средств преступления, в том числе ликвидации очевидцев и потенциальных свидетелей преступления.

Действительно, проведённые исследования осуждённых и освободившихся от наказания подтверждают, что действующая система исполнения наказания, помимо своей неэффективности, характеризуется порой негуманными и жестокими условиями обращения с осуждёнными. В реальности это приводит определённому внутреннему страху повторного наказания, но следствием является чаще совершение более квалифицированного состава из-за нежелания повторно оказаться в местах лишения свободы, чем ориентация на правильное поведение в тех же криминогенных условиях и обстоятельствах.

Однако изменения в законодательстве принимают противоположное направление, создающее дополнительные трудности для достижения задач предупреждения преступлений. В действующей редакции Уголовно-процессуального кодекса РФ (в дальнейшем – УПК РФ) причины и условия, способствующие совершению преступления, были заменены одним словом – «обстоятельства» (п. 2 ст. 73). В этом случае ясности и понимания в поведении субъекта становится ещё меньше, а отсюда всё более возникает ориентация правоприменителя на формализм при квалификации вины и оценки совершённого деяния в целом. При этом внешняя, так называемая процессуальная применимость такой нормы закона может в реальности приводить к тяжёлым материальным, а больше всего нравственным последствиям, ведущим в конечном счёте к деградации индивида и общества.

Неотражение в структуре вины мотивов и целей как обязательных признаков является выражением их невысокой значимости в поведении субъекта. Но так ли это? Ситуация разрешается достаточно просто, если ответить на вопрос: а может ли быть поведение безмотивным или бесцельным? Вряд ли можно найти хотя бы один такой пример в истории человечества. Другое дело, что можно оценить мотивы, цели как социальные, асоциальные или антисоциальные либо по степени значимости (для человека ли, общества, мира и т.д.), либо по иной классификации. Какими бы то ни были характер и содержание мотива и цели – это один момент, к тому же подтверждающий как раз их наличие в поведении. Наиболее важно то, что практически все имеющиеся классификации мотивов ущербны в силу своей односторонности, так как не отражают научно не оспариваемый в настоящий период факт о том, что мотивы (и вытекающие отсюда цели) могут быть как осознанные, так и неосознанные. Однако ранее в теории большинство авторов придерживалось направляющей линии на то, что формирование мотивации и возникновение мотива является сознательным выбором поведенческого акта (в частности, Н.А. Дремова, О.Е. Фрейеров⁵³, В.П. Власов и др.)⁵⁴. Тем не менее ещё в советской криминологии под давлением фактов было признано наличие давно существующей настоятельной потребности в выявлении скрытых мотивов преступного поведения. Несмотря на это отмечалась и другая очевидность в том, что дальше отдельных указаний на реальность таких мотивов, их стимулирующей роли и необходимость их познания исследователи не пошли. Однако следует отметить, что проблему бессознательного поднимали в рамках криминологии, а не уголовного права, хотя она имеет прямое отношение к преступному поведению.

Более того, в реальности невозможно разделить поведение человека на поведение, совершённое по осознанному мотиву и совершённое по неосознанному мотиву. Другими словами, поведение индивида является результатом интеграции как осознанных, так и неосознанных мотивов и целей. Отсюда вытекает как раз определяющая, основная роль мотивов и целей, фиксация которых происходит при помощи внешнего поведения в действительности. Остаётся открытым вопрос: почему, несмотря на первостепенную значимость мотивов и целей в поведении, которые характеризуют психическое отношение лица к деянию, они не входят в действующую конструкцию вины. Встречаются в основном рассуждения о сложности, труднодоказуемости или недоказуемости такой задачи, но научно обоснованного ответа в теории обнаружить не удалось.

⁵³ Дремова Н.А. Вопросы мотивации преступлений несовершеннолетних (по материалам уголовных дел по ст. 117 УК РСФСР) // Вопросы борьбы с преступностью. – М. : Юридическая литература, 1971. – Вып. 14. – С. 107.

⁵⁴ Мотивы, цели и умысел при совершении хулиганских действий // Вопросы борьбы с преступностью. – М. : Юридическая литература, 1975. – Вып. 23. – С. 123.

Психологическое содержание мотивов, целей и их значимость отвергается уже на первоначальном этапе дифференциацией, отчуждением психологии от уголовного права как отдельных наук, имеющих самостоятельный предмет, метод и т.д. Доводы о том, что мотив и цель отнесены как признаки поведения к субъективной стороне, не дают нам ответа на вопрос, а только уводят в сторону от его разрешения.

Субъективная сторона является юридическим понятием, фикцией, которая должна характеризовать внутреннюю сторону преступления, психическое отношение лица к совершённом деянию, т.е. вину в целом. Но вина является таким же отдельным признаком субъективной стороны, как мотив, цель и эмоциональное состояние. Отсюда вытекает не просто противоречие, а с учётом значимости мотива и цели в поведении системное противоречие конструкции вины. При помощи названной юридической фикции из вины исключены системообразующие признаки поведения, по которым только и представляется возможным реально оценивать характер и степень его направленности, а следовательно, опасности деяния и лица. И наоборот, исключение мотивов и целей как обязательных признаков вины и введение в оборот юридических фикций осознания, предвидения и превращает поведение в виртуальное, оценивать которое можно как законодатель пожелает либо как правоприменитель исполнит (мудрый – мудро, но немудрый – немудро).

Таким образом, одним из существенных недостатков действующего уголовного законодательства является формализованный подход к учёту внутренних факторов преступного поведения, что характеризует его направленность на объективизацию преступного деяния. Указанные недостатки заложены концептуально в законодательстве, поскольку человека можно признать виновным без фактического учёта мотивов, которыми он руководствуется, и целей, к которым он стремится в своём поведении. К этому приводит структура института вины. Так, признаки умысла (осознание, предвидение и желание (допущение)) позволяют определить характер и степень общественной опасности деяния без учёта сущностных признаков поведения лица.

Кроме того, такой подход, по существу, исключает реальное достижение поставленных целей наказания, а именно восстановление справедливости и исправление осуждённого, без чего невозможно ни частное, ни общее предупреждение преступлений. Подобное направление развития уголовного законодательства может привести общество и государство к криминальному коллапсу. Не замечать этого, как ранее отрицали в нашем государстве наличие в стране организованной преступности, чревато и необратимыми изменениями, если будет достигнут критический уровень, когда количество перейдёт в иное качество. Чревато серьёзными последствиями, если надеяться на то, что общество и государство отделяет от критической черты значительное расстояние. Поэтому необходимо скорейшее изменение конструкции действующей вины, отражающей как материальный признак преступления в виде вреда различной формы, так и отношение к этому причинителю вреда. При этом, исходя из принципа субъективного вменения, в понятии вины должны отражаться сущностные характеристики поведения лица (мотив, цель), а не лишённые связи с материальным миром юридические абстракции типа осознания, предвидения. С последними возникают сложности не только установления или их дальнейшей проверки, но эти абстракции противоречат тезису о познаваемости окружающего мира, поскольку последний является всегда лишь отражением субъективного мира индивида, сформированного в обществе.

Исходя из этого, под виной следует понимать непосредственное наличие в деянии любого мотива, направленного на причинение значимого вреда человеку, обществу, природе либо совершение деяния в тех же целях. Содержание субъективной стороны в целом, включая эмоциональное отношение, должно соответствовать содержанию вины. Такой подход не только наиболее эффективен, но и столь же очевиден. Действительно, зачем применять полумеры, если можно использовать реальные меры. В зависимости от характера и степени причинения вреда возможна классификация тяжести преступления и видов наказаний. В этом случае уголовное законодательство будет иметь не только карательное воздействие, но и регулятивное, предупредительное значение, чего в настоящее время явно недостаточно.

2. ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ МОТИВОВ И ЦЕЛЕЙ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

2.1. МОТИВ И ЦЕЛЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ

При рассмотрении дел об убийстве, являющемся особо тяжким преступлением, за совершение которого возможно назначение самого строгого наказания из предусмотренных ст. 44 УК РФ видов наказаний, суды обязаны неукоснительно выполнять требование закона о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела.

По каждому такому делу должна быть установлена форма вины, выяснены мотивы, цель и способ причинения смерти другому человеку, а также исследованы иные обстоятельства, имеющие значение для правильной правовой оценки содеянного и назначения виновному справедливого наказания.

По п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ квалифицируется убийство лица или его близких, совершённое с целью воспрепятствования правомерному осуществлению данным лицом своей служебной деятельности или выполнению общественного долга либо по мотивам мести за такую деятельность.

Под осуществлением служебной деятельности следует понимать действия лица, входящие в круг его обязанностей, вытекающих из трудового договора (контракта) с государственными, муниципальными, частными и иными зарегистрированными в установленном порядке предприятиями и организациями независимо от формы собственности, с предпринимателями, деятельность которых не противоречит действующему законодательству, а под выполнением общественного долга – осуществление гражданином как специально возложенных на него обязанностей в интересах общества или законных интересах отдельных лиц, так и совершение других общественно полезных действий (пресечение правонарушений, сообщение органам власти о совершённом или готовящемся преступлении либо о местонахождении лица, разыскиваемого в связи с совершением им правонарушений, дача свидетелем или потерпевшим показаний, изобличающих лицо в совершении преступления, и др.).

К близким потерпевшему лицам, наряду с близкими родственниками, могут относиться иные лица, состоящие с ним в родстве, свойстве (родственники супруга), а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо для виновного дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений.

Так, например, К. признан виновным и осуждён:

- за незаконную охоту с применением механического транспортного средства – снегохода «Буран»;
- за убийство двух лиц – председателя и члена Сузунского общества охотников и рыболовов – Л., 1964 г. рождения, и Т., 1967 г. рождения, в связи с выполнением ими своего служебного (Л.) и общественного (Т.) долга и с целью сокрытия другого преступления – незаконной охоты.

Как следует из материалов дела, 1 апреля 2005 г. во время, когда охотничий сезон открыт не был, К., не имея лицензии и путёвки, выехал в район охотничьих угодий и государственного резервного фонда, имея при себе расчехлённый охотничий карабин «Вебрь-223» калибра 5,56 мм со снаряжённым магазином.

Как пояснил свидетель Кобыленко, председатель правления областного общества охотников и рыболовов, сам подсудимый К., само нахождение на территории лесного фонда в период запрета охоты с расчехлённым заряженным оружием является незаконной охотой.

Судом проверялись доводы К. о том, что он выезжал не на охоту, а для закладки соли в лосиные кормушки, эти доводы не подтвердились и правильно отвергнуты судом.

Указанные доводы опровергаются фактом того, что К. при происшедшем находился с расчехлённым заряженным охотничьим карабином.

Свидетель Пирог пояснял в ходе предварительного следствия, что 1 апреля 2005 г. К. сообщил ему, что он едет на охоту и позвал его с собой, чтобы он покараулил машину, пока тот будет охотиться. Он согласился. В машине у К. находились снегоход и металлическая ванна для мяса. Соль для закладки в

кормушки лосям К. не брал и не говорил ему, что собирается это делать. Когда они приехали в поля, К. выгнал снегоход, прицепил к нему ванну и, взяв ружье, уехал в поля.

Свидетель Пирог пояснял, что он на охоту с К. поехал ранним утром – около 7 часов 30 минут – 8 часов.

Из протокола осмотра места происшествия и акта медико-криминалистической экспертизы следует, что в 28 км к северо-западу от с. Лушники на снегу обнаружены останки самки лося (голова с отрезанной верхней губой и языком, четыре фрагмента ног с копытами, внутренние органы, шкура и два плода лосят в матке). На шкуре в области передней левой ноги имелось отверстие правильной округлой формы с ровными краями диаметром 5–6 мм; на шкуре имелись многочисленные порезы линейной формы, а около отверстия округлой формы и ниже на шерсти – потёки бурого вещества; повреждения на шкуре являлись резаной раной, возникшей от действия острой кромки режущего предмета при отсепаровке шкуры.

В лесном колке, расположенном на расстоянии около 100 м от стога сена, были обнаружены трупы Л. и Т. В лесном колке, расположенном между стогом сена и колком, где были обнаружены трупы, находились фрагменты туши зверя (согласно акту экспертизы – лося). На расстоянии около 1,5 км от стога сена были обнаружены снегоходы Л. и Т. (Т. использовался снегоход, принадлежавший Шувалову). При таких данных суд пришёл к правильному выводу о том, что убийство Л. и Т. было связано с незаконной охотой виновного лица.

Из заключения судебно-баллистической экспертизы следует, что фрагменты пуль, извлечённых из трупов Л. и Т., являлись тремя деформированными оболочными пулями и частью пули иностранных патронов калибра 5,56 мм, которые являются составными частями боеприпасов, в том числе к карабину «Веprь-223». Гильза, изъятая с места происшествия – у стога сена, с маркировкой «RP 223 REM», является составной частью иностранного патрона калибра 5,56 мм. Указанные гильза и пули из трупов были выстреляны из карабина К. «Веprь-223» (имеющего маркировку «223 REM»), выстрелы производились за пределами факторов воздействия близкого выстрела, с расстояния более 135 см (кроме того, сам карабин имел длину 107 см).

Показания К. об обстоятельствах происшедшего противоречивы. Так, при допросе 13 апреля 2005 г. подозреваемый К. не давал показаний о наездах на него снегоходом, о ружейном выстреле в него. При допросе

21 апреля 2005 г. обвиняемый К. стал давать показания о производстве выстрела в него, но вновь не давал показаний о наезде на него снегоходом. В судебном заседании подсудимый К. стал пояснять, что, наехав на него снегоходом, Л. таранил его, он упал со снегохода и они переехали его своим снегоходом в области живота, но кто именно переехал – он не знает.

Подсудимый К. пояснял, что Л. и Т. своими снегоходами таранили его снегоход (при допросе 21 апреля 2005 г. обвиняемый К. утверждал, что таранил его один Л.).

Подсудимый К. пояснял, что его кулаком по лицу ударил Т., а Л. выстрелил в него, когда он находился на снегоходе.

Свидетель Пирог пояснял в ходе предварительного и судебного следствия, что по возвращении К. к машине у того телесных повреждений на лице не было, не было ни ссадин, ни царапин, ни синяков, ни крови.

Свидетель Терновых пояснял в судебном заседании, что 2 апреля 2005 года в с. Тараданово приехал К., сообщил, что приехал он на рыбалку. К. жалоб не высказывал, не хромал, его состояние было обычным, телесных повреждений у него на лице не было.

После происшедшего у К. никаких огнестрельных ранений не имелось; ружьё, имевшееся при происшедшем у Л. («МЦ-12»), К. выдано не было и не было оно обнаружено после происшедшего.

Из акта криминалистической экспертизы видно, что на время её проведения на капоте и фаре снегохода имелось 13 повреждений, которые могли образоваться при 13 выстрелах из пневматического оружия свинецсодержащими пулями калибра 4,5 мм с дистанции до 1 м либо при одном дробовом (картечном) выстреле из гладкоствольного оружия с дистанции далее 40 м.

С учётом отсутствия у К. дробовых (картечных) огнестрельных ранений, необнаружения после происшествия ружья Л., показаний свидетеля Пирого об отсутствии у снегохода К. по возвращении его к машине повреждений, вывод суда о том, что указанные в акте экспертизы 13 повреждений на снегоходе образовались после происшествия – соответствует материалам дела.

При таких данных и с учётом того, что имевшийся у Т. охотничий нож находился не на месте происшествия у стога сена, не в руке трупа Т., а в ножнах, суд пришёл к обоснованному выводу об отсутствии нападения Л. и Т. на К. и об отсутствии для К. при происшедшем угрозы его жизни и здоровью.

Свидетель Пирог пояснял, что когда К. уезжал от машины, то у него были с собой топор, нож.

Из актов экспертиз следует, что:

– на трупе Л. имелись два огнестрельных пулевых ранения: сквозное с входной раной на лице справа и выходной – в теменной области слева; слепое с входной раной в нижней трети передней поверхности шеи (чуть правее срединной линии) с повреждением правого лёгкого, 1 – 3 рёбер справа, правой лопатки;

– на трупе Т. имелись: слепое пулевое ранение с входной раной на левой боковой поверхности шеи с повреждением 6-го ребра справа; рубленые раны левой боковой поверхности шеи и левой ушной раковины с повреждениями левой общей сонной артерии, хряща ушной раковины с кровоизлияниями; две резаные раны слева в скуловой и височных областях.

Рубленые раны образованы рубящими действиями предмета, имеющего острую кромку.

Резаные раны могли образоваться от режущей кромки ножа, изъятого у К.

С учётом отсутствия противоправных действий Л. и Т. при задержании К., совершившего преступление – незаконную охоту, производства К. неоднократных целенаправленных выстрелов в Л. и Т. (находившихся в разных местах, не на направлении одного выстрела), совершения активных действий по сокрытию следов преступлений – суд пришёл к правильному выводу об отсутствии в действиях К. состояния физиологического аффекта. Установление мотивов действий виновного лица, наличия (отсутствия) противоправных действий Л. и Т. является компетентной судебно-следственных, а не экспертных органов. Установление психологических особенностей, которые могли бы свидетельствовать о наличии в характере К. черт агрессии и жестокости – в предмет доказывания по делу об убийстве не входит.

С учётом совершения К. преступления – незаконной охоты члены общества охотников и рыболовов Л. и Т., обнаружив факт незаконной охоты, имели право на выполнение своего общественного долга по задержанию виновного лица, независимо от того, на чьих землях они находились и действовали единолично либо с участием сотрудников милиции или сотрудников государственной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору. Представление следователя в этой части не имеет юридического значения для разрешения дела, поскольку оно не является предусмотренным законом официальным постановлением, а в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительном заключении в вину К. вменено, что Л. выполнял служебный, а Т. – общественный долг.

Виновность К. подтверждается и другими, имеющимися в деле, приведёнными в приговоре доказательствами⁵⁵.

По п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство из корыстных побуждений) следует квалифицировать убийство, совершённое в целях получения материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или прав на его получение, прав на жилплощадь и т.п.) или избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.).

Как убийство по найму надлежит квалифицировать убийство, обусловленное получением исполнителем преступления материального или иного вознаграждения. Лица, организовавшие убийство за вознаграждение, подстрекавшие к его совершению или оказавшие пособничество в совершении такого убийства, несут ответственность по соответствующей части ст. 33 и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Как сопряжённое с разбоем, вымогательством или бандитизмом следует квалифицировать убийство в процессе совершения указанных преступлений. Содеянное в таких случаях квалифицируется по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ в совокупности со статьями УК, предусматривающими ответственность за разбой, вымогательство или бандитизм.

⁵⁵ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 ноября 2006 г.

Так, например.

К. – осуждён по п. п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 10 годам лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

Б. – осуждена по п. п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 14 годам лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима.

По приговору суда присяжных К. и Б. признаны виновными в убийстве Б.В., совершённом группой лиц по предварительному сговору, по найму.

Преступление совершено 20 августа 2006 года в п. Пионерский Советского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югра.

Проверив материалы дела и обсудив доводы кассационных жалоб, Судебная коллегия находит, что настоящее уголовное дело рассмотрено в соответствии с требованиями, установленными ст. ст. 324 – 353 УПК РФ, регламентирующими особенности производства в суде с участием присяжных заседателей, с соблюдением принципа состязательности и равенства прав сторон.

К. с Б. (неустановленным следствием лицом) были привлечены для совершения убийства по найму В.

За убийство В., «заказчик» предложил сумму 100 тыс. р. на что К. с Б. согласились. В качестве аванса получили денежную сумму 60 тыс. р., остальную сумму предполагалось получить после совершения убийства.

К. с Б. договаривались о совместном причинении телесных повреждений В. с целью лишения его жизни.

Б. стала совершать действия с целью убийства потерпевшего, выразившиеся в нанесении ему ударов ножом и кувалдой, т.е. доводя до конца их общий с К. умысел на убийство В. лишь, когда увидела, что последний после произведённых в него К. выстрелов ещё жив⁵⁶.

По смыслу закона квалификация по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ совершённого виновным убийства определённого лица с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение исключает возможность квалификации этого же убийства, помимо указанного пункта, по какому-либо другому пункту ч. 2 ст. 105 УК РФ, предусматривающему иную цель или мотив убийства. Поэтому, если установлено, что убийство потерпевшего совершено, например, из корыстных или из хулиганских побуждений, оно не может одновременно квалифицироваться по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Под убийством, сопряжённым с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера, следует понимать убийство в процессе совершения указанных преступлений или с целью их сокрытия, а также совершённое, например, по мотивам мести за оказанное сопротивление при совершении этих преступлений.

Учитывая, что при этом совершаются два самостоятельных преступления, содеянное следует квалифицировать по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ и, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, по соответствующим частям ст. 131 или ст. 132 УК РФ.

Так, например.

Л., осуждён к лишению свободы:

по ст. 150 ч. 4 УК РФ на 5 лет;

по ст. 162 ч. 3 УК РФ на 7 лет;

по ст. 105 ч. 2 п. «к» УК РФ на 14 лет;

на основании ст. 69 ч. 3 УК РФ по совокупности преступлений на 19 лет в исправительной колонии строгого режима.

П., осуждён по ст. 162 ч. 3 УК РФ на 3 года 6 месяцев лишения свободы в воспитательной колонии.

Б., осуждён по ст. 161 ч. 2 п. «а», «в» УК РФ на 1 год 6 месяцев лишения свободы в воспитательной колонии.

По приговору суда Л. признан виновным в вовлечении несовершеннолетнего в совершение особо тяжкого преступления, разбое и убийстве с целью скрыть другое преступление – разбой, П. признан виновным в разбое, а Б. – в грабеже.

⁵⁶ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2007 г.

В кассационных жалобах потерпевшая Б. и адвокат Антонюк просят об отмене приговора, направлении дела на новое судебное рассмотрение в связи с тем, что суд необоснованно исключил из обвинения Л. квалифицирующий признак – убийство, совершённое с особой жестокостью, Л. нанёс потерпевшему около 80 ударов ножом по всему телу, в том числе спереди и сзади, на ногах, ягодице и лице.

Также суд необоснованно переqualificировал действия Б. с разбоя на грабеж, он знал, что в процессе совершения преступления будут использованы ножи, видел их у Л. и П., между осуждёнными были распределены роли и Б. участвовал в совершении преступления от начала до конца.

Выводы суда о виновности осуждённых соответствуют фактическим обстоятельствам дела и основаны на проверенных в судебном заседании доказательствах.

Суд исключил из обвинения Л. квалифицирующих признаков п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ и переqualificировал действия Б. со ст. 162 ч. 3 УК РФ на ст. 161 ч. 2 п. «а», «в» УК РФ с учётом позиции государственного обвинителя, которая в соответствии со ст. 246 УПК РФ обязательна для суда.

Оснований для переqualificации действий П. на ст. 161 ч. 2 п. «а», «в» УК РФ Судебная коллегия не находит, так как его действия правильно квалифицированы как разбой, что мотивировано в приговоре.

Наказание осуждённым назначено с учётом содеянного, данных о личности виновных и обстоятельств, смягчающих наказание⁵⁷.

Пункт «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ предусматривает уголовную ответственность по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Так, например.

Ч., осуждён по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ с применением ч. 1 ст. 65 УК РФ на 12 лет 6 месяцев лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

По ч. 1 ст. 222 УК РФ Ч. оправдан.

По делу осуждён также М., надзорное производство в отношении которого не возбуждено.

Ч. признан виновным в убийстве М.А. по мотиву кровной мести.

Преступление, согласно приговору, совершено при следующих обстоятельствах.

М., полагая, что М.А. причастен к убийству его родителей Маллаева М. и Ильясовой С., принял меры по организации убийства М.А.

Для осуществления и исполнения задуманного он привлёк своего близкого знакомого Ч., которому 21 января 2005 г. в пос. Тихий Лиман Ростовской области предложил убить М.А.

Ч., находясь в дружеских отношениях с М. и зная о намерении последнего лишить жизни М.А. по мотиву кровной мести, 21 января 2005 г. согласился с предложением М. убить потерпевшего.

М. вместе с Ч. разработали план, который включал время, место и способ убийства потерпевшего и роли каждого при этом.

22 января 2005 г., примерно в 2 часа 30 минут, действуя в соответствии с разработанным планом, М. на принадлежащем ему автомобиле ВАЗ-21213 привёз Ч. в пос. Новопривольный к дому М.А., где указал способ вызова потерпевшего из дома.

Ч., выполняя отведённую ему роль и, воспользовавшись указанным М. способом, вызвал М.А. из дома и произвёл в него не менее четырёх выстрелов из пистолета «ТТ», причинив потерпевшему огнестрельные ранения, от которых он скончался на месте происшествия.

М., выполняя отведённую ему роль при убийстве Ч. М.А., находился неподалёку, следил за окружающей обстановкой для предупреждения Ч. о появлении посторонних лиц и обеспечения возможности скрыться с места происшествия.

После убийства М.А. М., обеспечивая сокрытие Ч. с места преступления, вывез его за пределы Ремонтненского района Ростовской области.

Адвокат Лысенко Л.А. в надзорной жалобе просит отменить судебные решения в отношении Ч., дело направить на новое рассмотрение, указывает, что приговор суда не соответствует вердикту коллегии присяжных заседателей; вердикт содержит противоречия, в отношении одного и того же деяния вопросы перед присяжными заседателями поставлены по-разному; из вердикта присяжных заседателей не следует, что Ч. совершил убийство из кровной мести, квалификация его действий по п. «л» ч. 2 ст. 105

⁵⁷ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2007 г.

УК РФ является необоснованной; в жалобе отмечается также, что коллегии присяжных заседателей были представлены недопустимые доказательства: протокол опознания потерпевшей М.П. осуждённого Ч. (т. 1, л. д. 195 – 198); показания специалиста компании «Мегафон» Николаева в суде; показания на предварительном следствии в качестве свидетеля осуждённого М. (т. 1, л. д. 125 – 126); с нарушением закона продемонстрирована географическая карта Ростовской области; председательствующий, по мнению автора жалобы, допускал в судебном заседании нарушения уголовно-процессуального закона; замена присяжных заседателей производилась ненадлежащим образом; в присутствии присяжных заседателей обсуждались вопросы процессуального характера; при допросе свидетелей им не в полном объёме разъяснялись их права.

Проверив материалы дела и обсудив доводы надзорной жалобы, Президиум Верховного Суда Российской Федерации находит приговор и кассационное определение в отношении Ч. подлежащими изменению на основании п. 3 ч. 1 ст. 379 УПК РФ в связи с неправильным применением уголовного закона.

В соответствии с п. 3 ст. 348 УПК РФ председательствующий квалифицирует содеянное подсудимым в соответствии с обвинительным вердиктом, а также установленными судом обстоятельствами, не подлежащими установлению присяжными заседателями и требующими собственно юридической оценки.

Вердиктом коллегии присяжных заседателей Ч. признан виновным в убийстве М.А.

В приговоре указано, что Ч. знал о намерении М. совершить убийство М.А. по мотиву кровной мести.

Председательствующий, квалифицируя действия осуждённого по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство по мотиву кровной мести, сослался в приговоре на то, что М. организовал убийство М.А., что даёт основание для квалификации убийства по мотиву кровной мести, полагая, что тот причастен к убийству его родителей, а мотив действий организатора убийства является определяющим и для непосредственного исполнителя убийства (Ч.).

Между тем из вердикта коллегии присяжных заседателей не следует, что Ч. совершил убийство по мотиву кровной мести.

Как видно из материалов дела, вопросы, связанные с мотивом убийства М.А., исследовались в судебном заседании с участием присяжных заседателей, поскольку они относятся к фактическим обстоятельствам данного уголовного дела.

Перед присяжными заседателями был поставлен вопрос о доказанности участия Ч. в убийстве, на который дан утвердительный ответ, в частности о том, «доказано ли, что указанное деяние (производство выстрелов из пистолета в М.А.) совершил Ч., который, находясь в дружеских отношениях с М. и зная о намерении последнего лишить жизни М.А., которого М. считал причастным к убийству родителей – Маллаева М. и Ильясовой С., 21 января 2005 г. согласился с предложением М. лишить жизни потерпевшего».

Однако из положительного ответа на этот вопрос не следует, что Ч. совершил убийство М.А. по мотиву кровной мести.

По смыслу закона убийство по мотиву кровной мести имеет место в том случае, когда виновное лицо разделяющее и признающее этот обычай лишает жизни потерпевшего, стремясь соблюсти его.

Вердиктом коллегии присяжных заседателей не признано, что Ч. признавал обычай кровной мести.

Основанием для квалификации совершённого им убийства по мотиву кровной мести не может служить то обстоятельство, что Ч. согласно вердикту по предложению М. согласился совершить убийство М.А., зная, что М. считает его причастным к убийству родителей.

Присяжными заседателями не установлено, что Ч., приняв предложение М. совершить убийство, осознавал, что М. признаёт и разделяет обычай кровной мести и намеревается лишить жизни М.А. именно к мотиву кровной мести.

При таких обстоятельствах действия Ч. подлежат перекалфикации с п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Доводы надзорной жалобы о необходимости отмены приговора и кассационного определения и направлении уголовного дела на новое судебное рассмотрение Президиум Верховного Суда Российской Федерации считает несостоятельными.

Нарушений норм уголовно-процессуального закона, влекущих отмену приговора и кассационного определения, при рассмотрении дела допущено не было.

Дело рассмотрено законным составом суда.

Опознание потерпевшей осуждённого проводилось в соответствии с требованием ст. 193 УПК РФ, с участием понятых после допроса потерпевшей М.П., где она давала показания о приметах опознаваемого лица.

Что касается оглашения протокола допроса М. от 26 января 2005 г., то следует отметить, что, действительно, в этот день он допрашивался в качестве свидетеля, поскольку каких-либо данных о его причастности к убийству не имелось. Допрашивать его в каком-либо ином качестве в этот день оснований не было. М. при допросе 26 января 2005 г. показаний об обстоятельствах совершения преступления о причастности к нему Ч. не давал.

Вопреки доводам жалобы, во время допроса в суде специалиста компании «Мегафон» Николаева К.А. при демонстрации географической карты Ростовской области нарушений уголовно-процессуального закона не допущено.

Допрос свидетелей в судебном заседании проводился с соблюдением норм уголовно-процессуального закона.

Как видно из протокола судебного заседания, при допросе свидетелей права и обязанности, предусмотренные ст. 56 УПК РФ, им разъяснялись, об ответственности по ст. 307, 308 УК РФ они были предупреждены.

Доводы о том, что председательствующим при рассмотрении дела допускались нарушения норм уголовно-процессуального закона, являются несостоятельными.

Напутственное слово произнесено в соответствии с требованиями ст. 340 УПК РФ.

Вопросный лист, вопреки доводам жалобы, каких-либо противоречий не содержит.

Оснований для отмены приговора и кассационного определения не имеется.

Наказание Ч. по ч. 1 ст. 105 УК РФ следует назначить с учётом характера и степени общественной опасности содеянного, данных о его личности, а также с учётом положений ч. 1 ст. 65 УК РФ⁵⁸.

Нарушения требований уголовно-процессуального закона и неправильное применение уголовного закона

К. – осуждён к лишению свободы: по ст. 162 ч. 4 п. «в» УК РФ к 6 годам без штрафа, по ст. 105 ч. 2 п. «з» УК РФ к 7 годам, по ст. 162 ч. 2 УК РФ к 5 годам без штрафа, по ст. 162 ч. 2 УК РФ к 5 годам без штрафа, по ст. 30 ч. 1, 105 ч. 2 п. «з» УК РФ к 3 годам, по ст. 162 ч. 4 п. «в» УК РФ к 6 годам без штрафа, по ст. 105 ч. 2 п. «в», «д», «з» УК РФ к 7 годам, по ст. 162 ч. 4 п. «в» УК РФ к 6 годам без штрафа, по ст. 105 ч. 2 п. «д», «з», «к» УК РФ к 7 годам, по ст. 131 ч. 1 УК РФ к 4 годам, по ст. 162 ч. 4 п. «в» УК РФ к 6 годам без штрафа, по ст. 105 ч. 2 п. «в», «з», «к» УК РФ к 7 годам, по ст. 132 ч. 2 п. «в» УК РФ к 4 годам, по ст. 105 ч. 2 п. «к» УК РФ к 7 годам.

К. признан виновным в совершении разбойных нападений на К.Н., К.Е., Л., З., неустановленную женщину, К.Е.Т., в изнасиловании неустановленной женщины, в совершении в отношении К.Е.Т. насильственных действий сексуального характера, в убийстве К.Н., сопряжённом с разбоем, в приготовлении к убийству Л., сопряжённого с разбоем, в убийстве З. заведомо для виновного находящейся в беспомощном состоянии, с особой жестокостью, сопряжённом с разбоем, в убийстве неустановленной женщины, с особой жестокостью, сопряжённом с разбоем и изнасилованием, в убийстве К.Е.Т., заведомо для виновного находящейся в беспомощном состоянии, сопряжённом с разбоем и насильственными действиями сексуального характера.

Преступления совершены 22 июня 2004 года, 19 января, 29 мая, 13 июля, 22 июля и 15 августа 2005 года на территории Челябинской области при обстоятельствах, изложенных в приговоре.

В нарушение требований ст. 307 УПК РФ, в описательной части приговора не приведено описание такого деяния, совершённого К., как убийство У., хотя в приговоре изложены доказательства виновности К., дана юридическая оценка его действиям и назначено наказание за данное преступление. Также, в судебном заседании установлено, что К. совершил изнасилование неустановленной женщины когда потерпевшая была ещё жива, но согласно описательной части приговора изнасилование К. совершено по-

⁵⁸ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 26 сентября 2007 г.

сле убийства потерпевшей. При описании разбойных нападений, совершённых в отношении К.Н., З., К.Е.Т. и неустановленной женщины, судом не указано, в чём выразилось применённое в отношении потерпевших насилие, опасное для их жизни и здоровья.

Кроме того, ссылаясь на показания потерпевшей Л. о том, что после того как К. напал на неё, он никаких требований о передаче ему имущества не высказывал, на её предложение забрать деньги и ценное имущество не отреагировал, что свидетельствует об отсутствии у него мотива на завладение имуществом, полагает, что действия К. в отношении потерпевшей Л. надлежит квалифицировать по ст. 30 ч. 1, 105 ч. 1 УК РФ.

В возражениях на кассационное представление осуждённый К. указывает на несогласие с доводами «на мягкость приговора относительно квалификации преступления».

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационного представления, Судебная коллегия находит приговор подлежащим отмене в связи с допущенными судом нарушениями уголовно-процессуального закона.

В нарушение требований закона, указанных в п. 1 ст. 307 УПК РФ, суд, приведя в приговоре доказательства виновности К. в убийстве потерпевшего У., вместе с тем не привёл в приговоре описание данного деяния с указанием места, времени, способа его совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления.

В связи с допущенным судом нарушением закона, в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 379, ч. 1 ст. 381 УПК РФ, приговор не может быть признан законным и подлежит отмене с направлением дела на новое судебное разбирательство.

Что касается остальных доводов кассационного представления, то доводы об отсутствии у К. мотива на завладение имуществом потерпевшей Л. подлежат проверке при новом рассмотрении дела, а описание убийства и изнасилования неустановленной женщины, приведённое в приговоре соответствует описанию данных преступлений, приведённого в обвинительном заключении.

Приговор Челябинского областного суда от 4 августа 2006 года в отношении К. отменить и дело направить на новое судебное рассмотрение в тот же суд, в ином составе судей, со стадии судебного разбирательства⁵⁹.

Следующий пример.

К. – осуждён к лишению свободы: по ст. 105 ч. 2 п. «к» УК РФ (по эпизоду в отношении потерпевшего А.) к 13 годам, по ст. 131 ч. 2 п. «в» УК РФ (по эпизоду в отношении потерпевшей К.И.) к 7 годам, по ст. 222 ч. 1 УК РФ (по эпизоду от 07.05.2004) к 1 году, по ст. 105 ч. 2 п. «к» УК РФ (по эпизоду в отношении потерпевшего К.В.) к 14 годам, по ст. 131 ч. 2 п. «в» УК РФ (по эпизоду в отношении потерпевшей М.) к 8 годам, по ст. 222 ч. 1 УК РФ (по эпизоду от 28.07.2004) к 2 годам.

На основании ст. 69 ч. 3 УК РФ по совокупности преступлений, путём частичного сложения наказаний, назначено 20 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

По обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 30 ч. 3, 105 ч. 2 п. «к» УК РФ К. оправдан в связи с непричастностью к совершению преступления.

К. признан виновным в совершении умышленных убийств А. и К.А. с целью облегчить совершение другого преступления, в изнасиловании К.И. и М., а также в незаконном ношении огнестрельного оружия и боеприпасов.

Преступления совершены в ночь на 7 мая 2004 года и в ночь на 28 июля 2004 года в г. Челябинске при обстоятельствах, изложенных в приговоре.

В кассационной жалобе и дополнениях к ней осуждённый К. просит отменить приговор, считая выводы суда о его виновности не соответствующими фактическим обстоятельствам дела. Подвергает сомнению показания потерпевших К.И. и М., ссылаясь на то, что ранее они поясняли, что преступник был в маске, и не заявляли об изнасиловании, а после его задержания стали приводить описание его внешности, поясняя, что он был без маски, и опознали его, при этом считает, что опознание было проведено с нарушением закона. Также указывает, что с К.И. они проживали в одном общежитии и после совершения преступления, она могла его видеть, но при этом не узнавала, а М. поясняла, что у преступника были целые зубы, но у него отсутствуют передние зубы с 1997 года. Указывает, что у М. изымалось её водительское удостоверение, которое брал в руки преступник, при этом не был составлен процессуальный документ. Указывает, что судом не были приняты во внимание показания свидетелей Филатова и

⁵⁹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 октября 2006 г.

Абрамовой на предварительном следствии о том, что фоторобот, составленный со слов потерпевших, похож на Беляева и Чайкина, а знакомый Чайкина Баймаков кустарным способом изготавливал оружие. Считает, что изнасилование потерпевших не подтверждается материалами дела, а также не подтверждено ношение им оружия, поскольку оружие не было изъято.

Адвокат Жихарева Т.Г. в кассационной жалобе в интересах осуждённого К. указывает на несогласие с приговором, ссылаясь на то, что потерпевшая М. в ходе дополнительного допроса в судебном заседании не стала категорически настаивать на схожести внешности К. с преступником и пояснила, что не видела дефектов зубов у преступника и об этом она поясняла на предварительном следствии, хотя у К. отсутствуют передние зубы, в связи с чем полагает, что доводы К. о его невиновности не опровергнуты. Также указывает, что на предварительном следствии у К. не были обнаружены огнестрельное оружие и камуфляжная форменная одежда, а его сожительница и сын пояснили, что у него не было такой одежды.

Считает, что также не установлен мотив совершённых убийств потерпевших, поскольку у К. не было причин совершать их убийство. Просит отменить приговор и дело направить на новое судебное разбирательство.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационных жалоб, Судебная коллегия находит, что обвинительный приговор по делу постановлен не правильно⁶⁰.

2.2. МОТИВ И ЦЕЛЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Изучение следственной и судебной практики показывает, что при квалификации преступлений испытывает значительные трудности в оценке признаков субъективной стороны. Общеизвестно, что субъективная сторона – это внутренняя сторона преступного деяния, и она характеризуется виной.

Вина является обязательным признаком субъективной стороны состава преступления и представляет собой психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию, предусмотренному уголовным законом и последствиями этого деяния. Законодатель закрепляет две формы вины: умышленную (ст. 25 УК РФ) и неосторожную (ст. 26 УК РФ).

Законодатель при конструировании главы 22 УК РФ эмоциональному состоянию лица, совершившего деяние, не уделяет должного внимания, так как оно не влияет на квалификацию. В свою очередь, мотивы и цели имеют здесь двоякое значение: выступают в качестве основных (ст. 170, 171.1, 173, 174, 174.1, 181, 184, 186, 187, 196, 199.1 или квалифицирующих (ч. 3 ст. 183) признаков состава.

Преступления, предусмотренные главой 22 УК РФ, совершаются по следующим мотивам: корыстная или иная личная заинтересованность (ст. 170, 181); корыстная заинтересованность (ч. 3 ст. 183); личные интересы или интересы иных лиц (ст. 196); личные интересы (ст. 199.1), а также преследуют следующие цели: сбыта (ст. 171.1, 186, 187); получения кредитов, освобождения от налогов, извлечения иной имущественной выгоды или прикрытия запрещённой деятельности (ст. 173); придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом (ст. 174); для осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности (ст. 174.1); оказания влияния на результаты соревнований или конкурсов (ст. 184); введения в заблуждение кредиторов для получения отсрочки или рассрочки причитающихся кредиторам платежей или скидки с долгов, а равно для неуплаты долгов (ст. 197).

Следует обратить внимание, что из 35 статей, включённых в главу 22, только в пяти из них упоминается мотив преступления и в восьми – цель, а в остальных двадцати двух нормах факультативные признаки субъективной стороны состава преступления не учитываются при квалификации.

Из вышеизложенного видно, что законодатель не употребляет в обозначенной главе термин «мотив», а при определении цели преступления использует в некоторых случаях предлог «для». Следует

⁶⁰ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 марта 2006 г.

отметить, что в отдельных нормах мотив и цель носят конкретный характер, а в других – абстрагированы⁶¹.

Все мотивы и цели преступлений в сфере экономической деятельности имеют корыстную природу. Учитывая разъяснение, данное Пленумом Верховного Суда РФ в Постановлении от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», при установлении корыстного мотива следует исходить из того, что данный мотив предполагает стремление получить материальную выгоду для себя или других лиц или избавиться от материальных затрат. Таким образом, как справедливо отмечает Э.С. Мурадов, корыстный мотив, во-первых, должен иметь объективную материальную составляющую. Во-вторых, денежная или имущественная выгода может быть предназначена как для себя, так и для других лиц⁶².

Есть мнение, согласно которому корыстный мотив предполагает стремление получить материальную выгоду помимо виновного не для всяких, а только для близких лиц. Исходя из разъяснений упомянутого

Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. и Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 мая 1990 г. № 3 «О судебной практике по делам о вымогательстве», под близкими понимаются лица, находящиеся в родстве с субъектом преступления, свойстве (родственники супруга), а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых ему дороги в силу сложившихся жизненных обстоятельств, личных отношений. Следовательно, толкование понятия корыстной заинтересованности как стремления получить материальную выгоду только для себя и своих близких лиц существенно сужает круг лиц, в пользу которых действует субъект⁶³.

Имущественная выгода может быть выражена в различных формах. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» это могут быть и денежные средства, и ценные бумаги, и услуги имущественного характера, например: ремонт квартиры, строительство дачи, предоставление туристической путёвки, т.е. то, что подлежит оплате, но предоставляется безвозмездно. Имущественную выгоду можно исчислить, выразить в стоимостном эквиваленте⁶⁴.

Очевидно, что при описании мотивов и целей преступления законодатель прибегает к двум возможным способам: прямое указание на мотив и цель (большинство статей главы 22); цель экономического преступления, как правило, не совпадает с преступным последствием в виде крупного ущерба или иных тяжких последствий.

Другими словами, квалификация преступления определяется не реализацией цели, а постановкой самой цели, входящей в диспозицию нормы. Здесь следует согласиться с Э.С. Мурадовым, который отмечает, что специальная цель, как и мотив преступления, включённый в субъективную сторону конкретного состава, является предметом доказывания. В преступлениях, совершённых в сфере экономической деятельности, таких составов семь: ст. 171.1, 173, 174, 184, 186, 187, 197 УК РФ. Включение специальной цели в субъективную сторону конкретного преступления отражает целенаправленный характер действий субъекта и, следовательно, указывает на прямой умысел деяния. Во всех перечисленных составах специальная цель является необходимым условием наступления уголовной ответственности. Так, фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ) возможно только в целях введения в заблуждение кредиторов для получения отсрочки или рассрочки причитающихся кредиторам платежей или скидки с долгов.

А изготовление поддельных денег или ценных бумаг (ст. 186 УК РФ) преступно лишь в целях их сбыта; предположение (подразумевание) мотива или цели⁶⁵. Четырежды в указанной главе использован этот приём: ст. 178 «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции», здесь ответственность предусмотрена за монополистические действия, совершённые путём установления монопольно высоких

⁶¹ Мотивы и цели – явления динамические, подверженные постоянным изменениям, и никто точно не сможет ответить, сколько видов мотивов и целей существует в реальности. Поэтому законодателю необходимо использовать обобщённые формулировки при определении мотивов и целей, чтобы охватить все возможные варианты.

⁶² Мурадов Э.С. Мотивы и цели в преступлениях в сфере экономической деятельности // Соискатель. – 2004. – № 1. – С. 33 – 36.

⁶³ О судебной практике по делам о вымогательстве : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 мая 1990 г. № 3 (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 25.10.96 № 10).

⁶⁴ О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2000 г. № 6 (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 06.02.2007 № 7).

или монополю низко цен, а равно ограничение конкуренции путём раздела рынка, ограничения доступа на рынок, устранения с него других субъектов экономической деятельности, установления или поддержания единых цен. А согласно Закону РСФСР от 22 марта 1991 г. «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» монополистическая деятельность – противоречащие антимонопольному законодательству действия (бездействие) хозяйствующих субъектов, направленные на недопущение, ограничение или устранение конкуренции; монополю низкая цена – цена приобретаемого товара, устанавливаемая хозяйствующим субъектом, занимающим доминирующее положение на товарном рынке в качестве покупателя, в целях получения дополнительной прибыли и т.д.⁶⁵; ст. 179 «Принуждение к совершению сделки или к отказу от её совершения», цель – стремление заключить сделку или сорвать её заключение; ст. 198 «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица», цель – неуплата налогов и (или) сборов; ст. 199 «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации», цель – неуплата налогов.

Прямое указание на мотив или цель представляется более приемлемым, поскольку практически не оставляет возможности для разночтений при толковании правовой нормы.

При конструировании диспозиций норм главы 22 УК РФ законодателем были допущены технико-юридические ошибки. В частности, он не включил в диспозиции статей мотивы и цели преступлений, сделав тем самым нормы фактически неработающими.

Например, в ст. 169, 170 и п. «б» ч. 3 ст. 188 законодатель определяет специальный субъект – должностное лицо. Понятие «должностные лица» дано в примечании 1 к ст. 285 УК РФ, и в этом же примечании указано, что действие данного понятия распространяется только не преступления главы 30 УК («Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления»). Следовательно, им нельзя руководствоваться при определении субъекта преступления, предусмотренного, допустим, ст. 169 УК, которая расположена в другой главе (гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности») Особенной части УК РФ.

Более того, воспользоваться в данном случае понятием должностного лица запрещает и императивное правило, сформулированное в ч. 2 ст. 3 УК, которое гласит: «Применение уголовного закона по аналогии не допускается». В самой же ст. 169 УК законодатель не указал, кто именно признаётся в ней должностным лицом, тем самым он, по существу, блокировал её действие, так как определить, кто же является субъектом преступления, в данном случае практически невозможно.

Некоторые авторы, исследуя эти вопросы, предлагают изменить формулировку примечания 1 к ст. 285 УК и распространить действие его положений на все статьи УК РФ, как это сделано, например, в отношении представителя власти в примечании к ст. 318 УК РФ.

Однако если отступить от закона и взять за основу обозначенное выше определение должностного лица применительно к ст. 169 УК, то необходимо перенести в эту статью (ст. 169) также и все криминообразующие признаки из ст. 285 УК, а именно: совершение деяния из корыстной или иной личной заинтересованности и существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества и государства.

Ни одного из этих криминообразующих признаков не содержит диспозиция ст. 169, следовательно, привлечь должностное лицо к уголовной ответственности за воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности не представляется возможным. В данном случае может наступить лишь дисциплинарная ответственность.

Выход из сложившейся ситуации видится в законодательном изменении формулировки ст. 169 УК путём указания на корыстную или иную личную заинтересованность.

Другой пример: в ст. 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых другими лицами преступным путём» цель – придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом – включена в диспозицию, а в ст. 174.1 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых лицом в результате совершения им преступления» прямого указания на цель нет (цель подразумевается). В результате в отличие от ст. 174 УК РФ, которой запрещается совершение в крупном разме-

⁶⁵ Капинус О.С. Убийства: мотивы и цели. – М., 2003. – С. 56–57.

⁶⁶ Мурадов Э.С. Указ. соч.

ре финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретёнными другими лицами преступным путём (за исключением преступлений, предусмотренных ст. 193, 194, 198 и 199 УК РФ), в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом, совершение в крупном размере финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретённым лицом в результате совершения им преступления (за теми же исключениями), либо использование указанных средств или иного имущества для осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности признаётся преступным, даже если указанной в ст. 174 УК РФ цели лицо не преследует.

Некоторые авторы усматривают в этом нарушение принципа законности (ст. 3 УК РФ), поскольку законодатель требует вменять состав преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ, во всех, по сути, случаях использования лицом в гражданском обороте имущества, похищенного им, полученного в качестве взятки, в качестве дохода от незаконного предпринимательства и пр.

Судьи, как показывает изучение правоприменительной практики, не всегда руководствуются этим решением законодателя и зачастую оправдывают лицо, ссылаясь на то, что цели легализации при совершении подсудимым указанных действий не установлено. В этой связи мы согласны с Э.С. Мурадовым, который пишет: «Очевидно, что буква уголовного закона в этой части должна быть приведена в соответствие с его смыслом», и предлагаем изложить ч. 1 ст. 174.1 с указанием цели, а именно: «в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом».

Представляется верным вывод, А.П. Кузнецова по данной проблеме о том, что мотивы и цели преступлений имеют важное значение для определения общественной опасности деяний, характеристики личности виновного, определения формы вины, а также для дифференциации ответственности и индивидуализации наказания.

Анализ норм главы 22 УК РФ показал, что в ней нет единой системы конструирования мотивов и целей, что вызывает определённые трудности при квалификации преступлений. Игнорирование сформулированных выше положений приводит к нарушению системности норм в УК РФ, к противоречиям при их применении. Исходя из этого, полагаем, что законодателю необходимо внести коррективы в главу 22 УК РФ и использовать общие технико-юридические приёмы построения субъективной стороны преступлений в сфере экономической деятельности.

2.3. МОТИВ И ЦЕЛЬ САМОВОЛЬНОГО ОСТАВЛЕНИЯ ЧАСТИ ИЛИ МЕСТА СЛУЖБЫ

Юридически значимыми элементами объективного характера являются общественно опасное действие или бездействие, преступное последствие, причинная связь между действиями и последствиями, место, время, способ, орудия, средства и другие обстоятельства совершения преступления.

Субъективная сторона преступления является сложным образованием, состоящим из ряда взаимосвязанных социально-психологических элементов: вины, мотива и цели преступления, эмоционального состояния лица в процессе совершения преступления.

Рассмотрим элементы субъективной стороны самовольного оставления части или места службы.

Значение мотивов для уголовной ответственности во многом является схожим со значением цели. Но есть и отличия. В соответствии со ст. 73 УПК РФ мотивы являются обстоятельством, подлежащим доказыванию по уголовному делу. Существует точка зрения, согласно которой только те мотивы подлежат доказыванию по уголовному делу, которые имеют квалифицирующее значение. С этим трудно согласиться, ибо данное утверждение может привести к ошибкам на практике, а именно к тому, что уголовная ответственность лица будет сформулирована на основе оценочной теории вины, когда практически игнорируются мотивы и эмоции.

Так, например, на практике неоднократно поднимался вопрос о том, как квалифицировать действия военнослужащего, совершившего побег из гауптвахты, если он находился там в соответствии с Уставом гарнизонной и караульной служб Вооружённых Сил Российской Федерации:

1. Как задержанный по подозрению в совершении преступления или как заключённый под стражу по судебному решению.
2. Как осуждённый судом с направлением в дисциплинарную воинскую часть – до вступления приговора в законную силу.
3. Как осуждённый судом к лишению свободы – до получения копии приговора.
4. Как осуждённый судом к аресту.

В первом случае применение задержания по правилам ст. 91 УПК РФ, как и меры пресечения в виде заключения под стражу, выводит лицо из сферы военно-служебных отношений. Побег в этом случае надлежит квалифицировать только по ст. 313 УК РФ⁶⁷.

Во втором случае считается, что с момента осуждения военнослужащего гауптвахта становится для него местом исполнения своеобразной меры пресечения⁶⁸. Она не должна рассматриваться как мера пресечения в виде заключения под стражу, так как её применение в отношении военнослужащего, осуждённого к направлению в дисциплинарную воинскую часть, противоречит закону – п. 4 ст. 311 УПК РФ. В соответствии с этой нормой подсудимый, находящийся под стражей, подлежит немедленному освобождению в зале суда в случае вынесения обвинительного приговора с назначением наказания, не связанного с лишением свободы. В таком случае военнослужащий, продолжая ожидать вступления в силу приговора суда на гауптвахте, должен считаться проходящим военную службу, субъектом военно-служебных отношений. Побег, совершённый при таких условиях, посягает, прежде всего, на военно-служебные отношения и не подлежит квалификации по ст. 188 УК РСФСР (313 УК)⁶⁹.

В третьем случае применение меры пресечения в виде заключения под стражу к военнослужащему, осуждённому к лишению свободы, не противоречит закону. Считается, что военнослужащий в этом случае находится вне сферы военно-служебных отношений и при побеге посягает только на отношения в сфере правосудия, что надлежит квалифицировать по ст. 313 УК.

В четвёртом случае побег, совершённый военнослужащим во время отбывания им уголовного наказания в виде ареста на гауптвахте, по многим своим признакам схож с признаками побега, совершённого военнослужащим, отбывающим наказание в дисциплинарной воинской части. Оба вида побега посягают как на интересы правосудия, так и на воинский правопорядок (арест и содержание в дисциплинарной воинской части отбываются в условиях прохождения осуждёнными военной службы). Однако побег военнослужащего, отбывающего наказание в дисциплинарной воинской части, в качестве преступления против правосудия не предусмотрен в УК РФ, а побег, совершённый военнослужащим во время отбывания им уголовного наказания в виде ареста на гауптвахте, как преступление против правосудия предусмотрен ст. 313 УК РФ⁷⁰.

Более того, в литературе высказывалось мнение о том, что побег из дисциплинарной воинской части может быть только воинским правонарушением (дисциплинарным проступком или преступлением). Неужели и побег из-под ареста квалифицировать так же? Думается, что в этом случае аналогия права недопустима. Во-первых – в силу ч. 2 ст. 3 УК. Во вторых – потому, что необходимо выяснять мотивы совершения побега из-под ареста, оценивать их для выяснения субъективной движущей силы субъекта преступления, чтобы избежать объективного вменения. При правильной оценке мотивов квалификация в этом случае может быть различна: либо только по норме о самовольном оставлении части, либо только по ст. 313 УК РФ, либо по совокупности – по норме о самовольном оставлении части и по ст. 313 УК РФ.

В составе рассматриваемого преступления цель не названа в качестве обязательного признака. Однако субъективная сторона этого преступления включает в себя намерение субъекта временно находиться вне части или места службы и желание его вернуться в часть и продолжить прохождение военной службы. Отсутствие у виновного цели уклонения от прохождения военной службы (вовсе, навсе-

⁶⁷ Дело А. Дело С. Преступления против порядка пребывания на военной службе (уклонения от военной службы): Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 27 декабря 2001 г. // КонсультантПлюс. – 2002.

⁶⁸ Ахметшин Х.М. Квалификация воинских преступлений : учебное пособие / под ред. А.С. Кобликова. – М., 1977. – С. 26.

⁶⁹ Там же. – С. 27; Дело рядового А. Дело рядового Ж. Преступления против порядка пребывания на военной службе (уклонения от военной службы) : Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 27 декабря 2001 г. // КонсультантПлюс. – 2002.

⁷⁰ О правилах отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими : Приказ Министерства Обороны Российской Федерации от 29 июля 1997 г. № 302 (в ред. от 04.09.2006 № 359).

гда) отличает данное преступление от дезертирства (ст. 338 УК). Системное толкование УК (ст. 337 и 338) позволяет сделать вывод о том, что обязательным признаком субъективной стороны состава рассматриваемого преступления является признак, который можно назвать:

– негативным формальным признаком – «отсутствие цели уклонения от прохождения военной службы»;

– либо фактическим признаком – «наличие цели временного уклонения от военной службы».

Цель как обстоятельство, отягчающее ответственность, указана в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК – «совершение преступления... с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение». Цель как обстоятельство, смягчающее ответственность, непосредственно не указана в ч. 1 ст. 61 УК РФ, но в силу ч. 2 ст. 61 УК может быть учтена в качестве такого обстоятельства.

По делу К., обвинённого в совершении самовольного оставления части, суд учёл цель совершения им деяния не просто в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность, а и как одно из обстоятельств, исключающих уголовную ответственность в силу малозначительности деяния. К. самовольно оставил часть не с целью временно уклониться от военной службы и отдохнуть от неё, а в связи с тем что в части вокруг него сложилась нездоровая обстановка на почве неуставных взаимоотношений между военнослужащими и он хотел добиться создания надлежащих условий для прохождения службы⁷¹.

По делу военного строителя П. цель навестить больного отца при совершении самовольного оставления части также была учтена судом как одно из обстоятельств, исключающих уголовную ответственность в силу малозначительности деяния.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По проблемам, рассмотренным в настоящей работе, представляется возможным сформулировать следующие выводы.

1. Характерной чертой преступлений становятся немотивированная агрессивность и жестокость. При этом лица их совершившее зачастую преступают тот предел насилия и жестокости, который в конкретной ситуации был бы вполне достаточен для достижения цели.

Исследования показали, что подростки в процессе совершения преступлений при неудачном для них стечении обстоятельств совершают такие преступления, как убийства, тяжкие телесные повреждения, разбойные нападения. Их агрессивное поведение зачастую находится в обратной пропорциональной зависимости от собственного страха перед силой своих противников.

2. Субъект преступления, как правило, не в состоянии почувствовать чужую боль. У него либо занижен, либо вовсе отсутствует страх перед смертью. Зачастую он совершает какие-либо действия агрессивного характера не потому, что он особенно смел, а потому что не может адекватно оценить степень опасности своих поступков для жизни как своей, так и окружающих.

3. Групповой характер преступности во многом определяется психологическими особенностями поведения человека в группе. Совершая преступления в группе, человек в известной мере теряет присущие ему индивидуальные черты, и его поведение больше определяется психическим комплексом, свойственным группе в целом. Самый отъявленный хулиган в одиночку, как правило, не представляет для окружающих особой опасности. Однако стоит ему оказаться среди своих единомышленников, у него возникает немотивированное проявление агрессии по малейшему поводу, а иногда и вовсе без повода.

4. В настоящее время среди мотивов противоправного поведения можно выделить такие побуждения, как корысть, жестокость, агрессивность, сексуальные потребности, эгоизм, подражательство, солидарность, самоутверждение, социальная безответственность и легкомыслие, отчуждение от общества и противостояние ему.

⁷¹ Судебная практика по применению военно-уголовного законодательства Российской Федерации / сост. : О.К. Зателепин, А.И. Ноздринов ; под общ. ред. Х.М. Ахметшина. – М., 2001. – С. 75 – 77.

5. В криминологическом плане большое значение имеет характер мотивации личности преступника. Обычно выделяют насильственные, корыстные и корыстно-насильственные преступления. Сравнение мотивационной характеристики преступности в разные периоды и в разных административно-территориальных единицах позволяет, например, понять, какого рода искажения нравственного и правового сознания, потребностей и интересов лежат в основе наиболее распространённых видов преступности, и в соответствии с этим наиболее точно определить главные ориентиры предупредительной работы.

6. При назначении наказания необходимо учитывать все обстоятельства, при которых оно совершено: вид умысла, мотивы и цель, способ, обстановку и стадию совершения преступления, а также личность виновного, его отношение к содеянному, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

Равным образом должны быть исследованы данные, относящиеся к личности потерпевшего, его взаимоотношения с подсудимым, а также поведение, предшествовавшее преступлению.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ПИСОК

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации России. – М. : Юридическая литература, 1993. – 64 с. (в ред. от 21.07.2008 № 7-ФКЗ).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации (в ред. от 14.02.2009 № 11-ФЗ).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в ред. от 14.03.2009 г. № 335-ФЗ).

4. О судебной практике по делам о вымогательстве : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 мая 1990 г. № 3 (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 25.10.96 № 10).

5. О судебном приговоре : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 06. 02. 2007 № 7).

6. О судебной практике по делам об убийстве : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 г. № 1 (в ред. от 06.02.2007 № 7).

7. О судебной практике по делам о вымогательстве : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 мая 1990 г. № 3 (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 25.10.96 № 10).

8. О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2000 г. № 6 (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 06.02.2007 № 7).

9. О практике назначения судами видов исправительных учреждений : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.11.2001 г. № 14.

10. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 06.02.2007 № 7).

11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации о судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 уголовного кодекса Российской Федерации от 15 июня 2004 г. № 11.

12. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11. 01. 2007 г. № 2.

13. О правилах отбывания уголовных наказаний осуждёнными военнослужащими : Приказ Министерства обороны Российской Федерации от 29 июля 1997 г. № 302 (в ред. от 04.09.2006 № 359).

Научная и специальная литература

14. Абдеев, Р.Ф. Философия информационной цивилизации / Р.Ф. Абдеев. – М. : ВЛАДОС, 1994. – С. 301.
15. Абульханова, К.А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности) : избранные психологические труды / К.А. Абульханова. – М. : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 1999. – 224 с.
16. Алексеев, А.А. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования / А.А. Алексеев. – М. : Статут, 1999. – С. 631.
17. Бехтерев, В.М. Объективная психология / В.М. Бехтерев. – М., 2000. – 416 с.
18. Бруно, Д. Изгнание торжествующего зверя / Д. Бруно. – Самара : Изд-во «Агни», 1997. – С. 102.
19. Волков, Б.С. Мотив и квалификация преступлений / Б.С. Волков. – Казань : Изд-во Казанского университета, 1968.
20. Болдырев, Е.В. Общие предпосылки совершенствования уголовного законодательства / Е.В. Болдырев // Вопросы борьбы с преступностью. – М. : Юридическая литература, 1972. – Вып. 16. – С. 33.
21. Гальперин, П.Я. Психология как объективная наука. Избранные психологические труды / П.Я. Гальперин ; под ред. А.И. Подольского. – М. : Изд-во «Институт практической психологии» ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1988. – 480 с.
22. Дагель, П.С. Теоретические основы установления вины / П.С. Дагель, Р.И. Михеев. – М., 2008.
23. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. / В.И. Даль. – Т. 2. И – О. – С. 352.
24. Даньшин, И.Н. О значении мотива преступления при изучении и предупреждении преступлений / И.Н. Даньшин // Вопросы борьбы с преступностью. – М. : Юридическая литература, 1969. – Вып. 10. – С. 65.
25. Дремова, Н.А. Вопросы мотивации преступлений несовершеннолетних (по материалам уголовных дел по ст. 117 УК РСФСР) / Н.А. Дремова // Вопросы борьбы с преступностью. – М. : Юридическая литература, 1971. – Вып. 14. – С. 107.
26. Дубровский, Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность / Д.И. Дубровский. – М. : Канон+, 2002. – 368 с.
27. Еникеев, М.И. Основы общей и юридической психологии / М.И. Еникеев. – М., 2003.
28. Жане, П. Страх действия как существенный элемент меланхолии // Психология эмоций. Тексты / П. Жане ; под ред. : В. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С. 199.
29. Запорожец, А.В. Психология действия / А.В. Запорожец. – М. : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 2000. – 736 с.
30. Злобин, Г.А. Умысел и его формы / Г.А. Злобин, Б.С. Никифоров. – М., 2007.
31. Криминальная мотивация / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 1986. – С. 37.
32. Курс советского уголовного права. Общая часть. – М., 1999.
33. Лукашева, Е.А. Мотивы поведения человека в правовой сфере / Е.А. Лукашева // СГП. – 1972. – № 8. – С. 24
34. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М. : Политиздат, 1975. – 304 с. ; Он же. Эволюция психики. – М. : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 1999. – 416 с.
35. Наумов, А.В. Законы логики при квалификации преступления / А.В. Наумов, А.С. Новиченко. – М. : Юридическая литература, 1978.
36. Павлов, И.П. Мозг и психика / И.П. Павлов ; под ред. М.Г. Ярошевского. – М. : Изд-во «Институт практической психологии» ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1996.
37. Петин, И.А. Механизм преступного насилия / И.А. Петин. – СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр «Пресс», 2004. – 343 с.

38. Петин, И.А. Принцип системности, его значение и отражение в уголовном праве России / И.А. Петин. – М. : Издательская группа «Юрист», 2007.
39. Печников, Н.П. Категории преступлений и их уголовно-правовое значение : курс лекций / Н.П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 64 с.
40. Должностные и служебные преступления : метод. указ. / сост. Н.П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 32 с.
41. Печников, Н.П. Проблемы уголовно-правовой политики на современном этапе : курс лекций / Н.П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 112 с.
42. Печников, Н.П. Современные проблемы уголовного права и уголовного процесса / Н.П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. – 80 с.
43. Печников, Н.П. Общие начала назначения наказания и их реализация в судебной практике : курс лекций / Н.П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. – 64 с.
44. Печников, Н.П. Соучастие в преступлении: теория и проблемы практики : конспект лекций / Н.П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. – 56 с.
45. Печников, Н.П. Стадии совершения преступления : курс лекций / Н.П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. – 64 с.
46. Печников, Н.П. Производство в суде первой инстанции : курс лекций / Н.П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. – 60 с.
47. Сеченов, И.М. Психология поведения / И.М. Сеченов ; под ред. М.Г. Ярошевского. – М. : Изд-во «Институт практической психологии» ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1995. – С. 312.
48. Ситковская, О.Д. Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / О.Д. Ситковская. – М. : Изд-во «Зерцало», 1999. – С. 39.
49. Уланов, Д.Н. Психологические исследования / Д.Н. Уланов. – М., 2006. – С. 394.
50. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. : В.Н. Кудрявцев, С.Г. Келина ; Академия наук СССР ; Институт государства и права. – М. : Наука, 1987. – 180 с.
51. Фойницкий, И.Я. Учение о наказании в связи с тюремноведением / И.Я. Фойницкий. – М. : Добросвет-2000 ; Городец, 2000.
52. Филановский, И.Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению / И.Г. Филановский. – Л., 1970.
53. Фрейд, З. Введение в психоанализ. Очерки по психологии сексуальности / З. Фрейд ; пер. с нем. – 2-е изд. – Мн. : ООО «Попурри», 2001. – 480 с.
54. Хохряков, Г.Ф. Криминология : учебник / Г.Ф. Хохряков ; отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М. : Юристъ, 2000. – С. 433.
55. Чубинский, М.П. Мотив преступной деятельности и его значение в уголовном праве / М.П. Чубинский. – М., 2001. – 48 с.
56. Экспериментальная психология / ред.-сост. : Поль Фресс и Жан Пиаже ; пер. с фр. ; предисл. и общ. ред. А.Н. Леонтьева. – М. : Издательство «Прогресс», 1975. – Вып. V. – 180 с.
57. Ярошевский, М.Г. Наука о поведении: русский путь / М.Г. Ярошевский.
58. Якушин, В.А. Ошибка и её влияние на вину и ответственность по советскому уголовному праву / В.А. Якушин. – М., 2002. – 60 с.
59. Мурадов, Э.С. Мотивы и цели в преступлениях в сфере экономической деятельности / Э.С. Мурадов // Соискатель. – 2004. – № 1. – С. 33 – 36.

Судебная практика

60. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 марта 2006 г.
61. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 октября 2006 г.
62. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 ноября 2006 г.
63. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2007 г.
64. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2007 г.
65. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2008 г.
66. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 26 сентября 2007 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. МОТИВ И ЦЕЛЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	4
1.1. ПОНЯТИЕ МОТИВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ	4
1.2. ЦЕЛЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	6
1.3. МОТИВ И ЦЕЛЬ КАК СУЩНОСТНЫЕ КРИТЕРИИ ПОВЕДЕНИЯ ИНДИВИДА	9
2. ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ МОТИВОВ И ЦЕЛЕЙ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	33
2.1. МОТИВ И ЦЕЛЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ	33
2.2. МОТИВ И ЦЕЛЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	46
2.3. МОТИВ И ЦЕЛЬ САМОВОЛЬНОГО ОСТАВЛЕНИЯ ЧАСТИ ИЛИ МЕСТА СЛУЖБЫ	52
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	56
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	58